

ЖЕМЧУЖИНА

Литературно-художественный образовательный журнал

«The Pearl» / «Zhemchuzhina» № 31 Brisbane, Australia, July 2007

Брисбен

31

Июль 2007 г.

“The Pearl” / “Zemchuzhina”

Literary and Educational Journal in the Russian Language.
Published and printed by the Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”
Brisbane, Australia.

«Жемчужина»

Литературно-художественный образовательный журнал.
Выпуск - 4 раза в год.

Copyright © Tamara Maleevsky - The Editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”

This publication is copyright. Apart from any fair dealing for the purposes of private study, research, criticism or review, as permitted under the Copyright Act, no part may be reproduced by any process without written permission of the Editor.

National Library of Australia cataloguing-in-publication data
“The Pearl” / “Zemchuzhina” - Literary and Educational Journal in the Russian Language

Index

ISSN 1443-0266

Signed articles express the opinions of the authors and do not necessarily represent the opinions of the editor of “The Pearl” / “Zemchuzhina”.

“Zemchuzhina” (“The Pearl”) is a magazine published at the Editor’s own expense as a non-profit publication for the Russian society, consequently, it does not offer any honorariums, stipends or other remuneration to its contributors.

Взгляды, высказываемые авторами в своих статьях, не обязательно совпадают с мнением редакции.

Журнал «Жемчужина» выпускается исключительно на личные средства издателя для русского общества и не преследует коммерческих целей. Следовательно, издатель не выплачивает никаких гонораров, стипендий или иных вознаграждений авторам, труды которых он печатает.

Редакция оставляет за собой право сокращать рукописи и изменять их стилистически.

Рукописи, не принятые к печати, не обсуждаются и не возвращаются.

Адрес для связи:

tamaleevpearl@optusnet.com.au или tamaleevpearl@gmail.com

*Просьба: посылая работу по E-mail, обязательно делать пометку - “For Pearl”.

Tel: редакция - (07) 3161-49-27 mobile: 0404559294

Сайт журнала в Интернете - <http://zemchuzhina.yolasite.com>

Цена отдельного номера - \$ 6 плюс \$ 2.10 пересылка по Австралии и упаковка.

Стоимость годовой подписки (4 журнала), включая пересылку по Австралии - \$ 33

Россия – это быль...

Россия – это быль... чудеснейшая сказка...
 Преданья старины, седая пыль времён,
 Родных напевов звук, родительская ласка,
 Литых колоколов пасхальный перезвон;
     Узоры теремов, торжественные храмы,
     Степей безгранных ширь, лесов дремучих шум,
     Потерянный очаг... лампад дрожащий пламень,
     Снов светлых колыбель, ларец заветных дум;
 Подвижников святых извечная обитель,
 Лихих богатырей и витязей земля,
 Которой начертал величья путь Спаситель,
 Им следовать вовек безропотно веля;
     Россия – это кровь отцов наших и дедов,
     Пролитая в боях за Веру и Царя,
     Ненастье смуты лет, и будущей победы,
     Сквозь мрак свинцовых туч грядущая заря...

А. Палладин.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В РОССИИ

Первым благодеянием, оказанным нам Богородицею, было просвещение россов светом христианской веры. В царствование греческого императора Михаила III Аскольд и Дир, грубые язычники, отправились громить Восточную империю с большим славянским войском, которое по характеру жестокости очень походило на своих вождей. На судах они скоро достигли Константинополя. Греки заключились в стенах, но не видя ниоткуда помощи, просили её у Богородицы...

На другой день славяне льстили себя надеждою, что вот минет несколько часов и все богатства Константинополя будут в их руках. Греки ждали себе помощи свыше.

Корабли славян быстро стремятся к городу. Но что же видят: вместо сопротивления, вместо огромного войска, вместо щитов, мечей и стрел видят они, что к морю приближается, сопровождаемая безоружным народом, священная процессия из лиц облеченных в золотые одежды; погружают что-то в море. И вдруг море – прежде тихое и спокойное – начало подниматься, подул сильный ветер, рассеял и потопил большую часть кораблей их...

Предводители Аскольд и Дир, спасшиеся от общей гибели, пожелали узнать, от чего море так разъярилось на них. А когда узнали, что всё это произвела лишь одна одежда, одежда Матери Бога христианского, утраченные небесным гневом, немедленно отправили в Константинополь послов и потребовали святого крещения. Окружная грамота патриарха Фотия, написанная на исходе 866-го года к восточным епископам, служит достоверным подтверждением нашего сказания:

«Россы, - говорит он, - славные жестокостью, победители народов соседственных, и в гордости своей дерзнувшие воевать с империей Римскою, уже оставили суеверие, исповедуют Христа и суть друзья наши, быв ещё недавно злейшими врагами. Они уже приняли епископа и священника, имея живое усердие к Богослужению христианскому!»

Вслед за Фотием Константин Багрянородный, греческий император, и другие греческие историки пишут, что россы крестились во время царя Василия Македонского и патриарха Игнатия, то есть, не ранее 867-го года. Император, говорят они, не имея возможности победить россов, склонил их к миру богатыми дарами – золотом, серебром и шёлковыми

одеждами. Он прислал к ним епископа, посвящённого Игнатием, который обратил их в христианство.

Сии известия не противоречат одно другому, - говорит Карамзин: Фотий в 867-м году мог отправить церковных служителей в Киев, Игнатий также. Они и насадили там первые семена христианской веры.

Так Богоматерь, невидимо, силою Своею расположив умы и сердца язычников к принятию христианской веры, тем самым насадила в России семена истинного Боговедения и Православия.

Греки после своего освобождения радостно воспели: *«Взбранной Воеводе победительная»*. Но и русские до сих пор восхваляют Богоматерь этою же песнею, в своём поражении прославляя духовное! (См. «Русскую Историю» Карамзина т. 1-й).

Итак, по благодаянию Богоматери, на Руси, покрытой мраком язычества, занялась заря истинной веры, и уже приближался светлый день её. Равноапостольный Великий Князь Владимир в Корсуни принял святое крещение от греков вместе со своими боярами, и вслед за ним приняла крещение и вся Русь.

Такое скорое беспрепятственное и почти единственное в мире обращение ко Христу целого государства было едва ли не делом Богоматери, Которая невидимою силою предрасполагала умы и сердца язычников к принятию христианской веры. Это можно видеть из той веры, надежды и любви, какая явилась к Богоматери в сердце Великого Князя и всего народа.

Так сам Владимир показал веру свою в небесную Помощницу, когда Её иконе поручил своё войско, шедшее против новгородцев, которые не хотели отвергнуть идолов и принять христианскую веру, и своё заблуждение защищали силою. И когда он посвятил Её имени великолепный храм, с сего времени по всей Земле Русской начали являться чудеса, открываться видимое покровительство Богоматери над нашим отечеством. Эту мысль ясно выражали первосвятители Русской Земли. Так, например, митрополит Иларион говорил Ярославу:

«Владимир и славный город Киев обложил величием, как венцем, и предал народ твой и город Святой всеславной и скорой Помощнице христиан – Богородице».

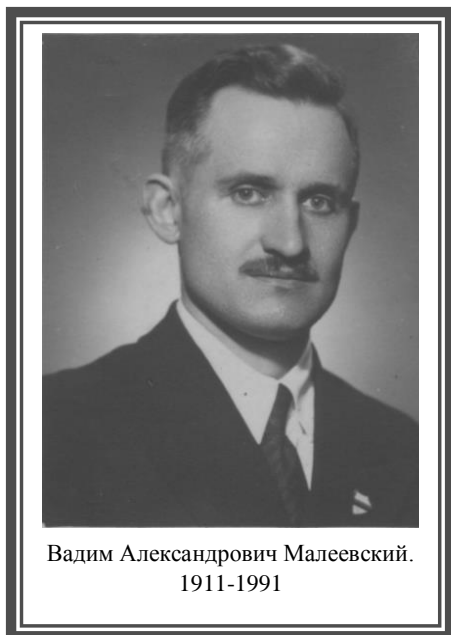
Составитель Арх. Пантелеимон.

«Сказания о земной жизни Пресвятой Богородицы, о чудотворных иконах и её великих милостях роду человеческому». Изд. Свято-Троицкого Монастыря, Джорданвил 1958 г.

На книжной полке: «ПРЕТЕНДЕНТЫ НА РОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ: АНАЛИЗ».

В.А. Малеевский.

Вадим Александрович Малеевский.
1911-1991

В июле 2007 г. вышла в свет книга харбинского доктора Вадима Александровича Малеевского: «ПРЕТЕНДЕНТЫ НА РОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ: АНАЛИЗ».

Причиной издания трудов Вадима Александровича отдельной книгой явились два события.

Во-первых: это было сделано ради светлой памяти доброго доктора, отца, деда и друга. Так совпало, что первая часть статьи «Великий Князь Кирилл Владимирович и Князь Владимир Кириллович» была написана ровно 30 лет тому назад, 15 июня 1977 года - через два дня после того, как Вадим Александрович отметил своё 66-летие.

Во-вторых, и это - главная причина: намечающийся визит в 2007 году «её величества государыни» Марии Владимировны.

То, что Мария Владимировна, которую, кстати, не признаёт также английская королева Елизавета II, именуется «государыней», - позор для большинства эмигрантов Русского Зарубежья вообще, и оскорбление

для русских людей в России в частности. Именно этой теме - теме самозванцев, потомков одного из главных предателей России, который, к несчастью, был Членом Дома Романовых и тем самым сыграл немалую роль в том, что тысячи русских людей остались без Родины - и посвящён главный труд Вадима Александровича.

По этой причине - после короткой биографии автора В.А. Малеевского - первая часть книги открывается статьёй-анализом «Великий Князь Кирилл Владимирович и Князь Владимир Кириллович». Она в двух частях: между первой частью и второй, «Постскриптум», помещены фотокопии статей из газет - интервью с Владимиром Кирилловичем, а также заявление Кн. Владимира Кирилловича о «правах» его дочери Марии Владимировны на Престол и ответный документ-протест Объединения Членов Рода Романовых по этому поводу.

Во второй части - исторический доклад «В горниле испытаний», посвящённый трагедии 1917 года и убийству Царской Семьи, который В.А. читал в День Скорби 18 июля 1981 года и который являлся *последним* в своём роде перед Прославлением Царственных Мучеников Зарубежной Церковью в ноябре этого же года.

Работая над изданием книги, решено было дать ей общее название, основанное на самой сути первой части труда «Великий Князь Кирилл Владимирович и Князь Владимир Кириллович» - «ПРЕТЕНДЕНТЫ НА РОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ: АНАЛИЗ».

Название же доклада «В горниле испытаний» было взято в своё время из речи митрополита Анастасия, произнесённой в седьмую годовщину убийства Царской Семьи, слова которого цитирует В.А. Малеевский.

Ввиду того, что далеко не всем доступен «Свод основных Государственных законов» дореволюционной, монархической России, на которые делал ссылки в своей работе В.А. Малеевский, в конце книги помещено *Приложение* - фотокопии «Свода законов»; но, учитывая формат книги, оригинал пришлось разделить на две колонки.

Нельзя не отметить тот факт, что в 1970-е годы Вадим Александрович, как и большинство русских эмигрантов, не имел в своём распоряжении той информации, какой сейчас обладают российские историки, исследователи вопроса о Престолонаследии, такие как А. Плотников, Р.Г. Красюков, Сергей Чесноков или М. Назаров. Конечно, многое из того, что стало общеизвестным в России только сравнительно недавно, эмигранты знали с

самого начала, но всё же доступа к необходимым документам не было. Но судьбы родины и вопрос о Престолонаследии для русских патриотов, - которые долгие годы жили мечтой о возрождении России, даже когда реальных оснований для осуществления этой надежды не было, - всё это было для них наболевшей, накалённой темой; этим объясняется несколько эмоциональный оттенок работы В.А. Малеевского. И между тем, все изыскания вышеупомянутых российских исследователей, так же как и труд В.А. Малеевского, - все они приходят к одному общему заключению: никаких прав на Русский Престол потомки Кирилла Владимировича не имеют.

История не признаёт сослагательного наклонения; но всё же ради исторической справедливости, следует заметить, что, не будь предательства со стороны Члена Императорской Семьи, В.К. Кирилла Владимировича, мстившего Государю из личных, корыстных соображений, ещё не известно, куда могло повернуть колесо истории...

История... Вадим Александрович принадлежал к поколению белых эмигрантов-харбинцев. Он был одним из тех людей, о которых нельзя написать коротко, в двух словах... Суть этого человека была: «За веру, царя и отечество!» Его правило жизни: «Иди и добиваться! Быть, а не казаться!»

Вадим Александрович родился 13 июня 1911 года на юге России – в селе Царе-Константиновке Екатеринославской губернии. Его отец, Александр Филиппович Малеевский был военным ветеринарным врачом. Мать В.А. - Ольга Ивановна (ур. Alma Noëdel) - была обрусевшей немкой, учительницей, лютеранкой. По приезде в Россию Ольга Ивановна быстро выучила русский язык и, выйдя замуж, говорила в доме только по-русски, детей воспитывала исключительно в духе русских традиций, а в конце жизни – приняла православие.

По профессии Вадим Александрович был - врач-окулист. Врачом же он был не по названию, а по глубокому душевному призванию. Всю свою жизнь в Харбине доктор Малеевский отдал медицине.

С 1939 по 1957 год он служил в Харбинском Медицинском Институте, работал в Благотворительной больнице имени доктора Казем-Бека (где впоследствии стал ординатором глазного отделения), в Центральной больнице, в больнице Красного Креста. Занимался частной практикой, преподавал на Курсах Сестёр Милосердия. Одно время был также начальником Хайларской железнодорожной больницы, заведующим медпунктом на Харбинском фанерном заводе, врачом медпункта ХПИ. Он также выезжал к пациентам на дом – зачастую по ночам, когда из-за беспокойной обстановки в городе – при советских в 1945 году – от них отказывались другие врачи.

Вадим Александрович никогда никому не отказывал в помощи. Большая половина его пациентов, - в которую входили: вся беднейшая часть Харбина, врачи, медсёстры, духовенство и монашествующие, - всегда была бесплатная. Он также жалел советских солдат и никогда не брал с них денег за лечение: - «Они Родину защищали!» - говорил он.

В 1957 году доктор Малеевский выехал с семьёй в Австралию. Обосновался в Брисбене. Как и многих русских эмигрантов, его постигла в этой стране горькая участь: из-за множества препятствий у него не было никакой возможности устроиться в Австралии по своей профессии.

В.А. горячо и искренне любил Россию. Всю свою жизнь он, до боли, мечтал о том времени, когда, наконец, воскреснет его ни с кем и ни с чем несравнимая Родина!

Это был человек, который до последнего своего вздоха оставался верным русской православной вере. Кроме врачебной практики, он посвятил свою жизнь церковной работе, семье и *русскости*. Так в течение целого ряда лет Вадим Александрович был церковным старостой не только в Харбине, в Доме Милосердия, но и в Брисбене – в Св.Николаевском Кафедральном Соборе.

Будучи убеждённым монархистом в лучшем смысле этого слова, Вадим Александрович писал, и читал исторические доклады, когда Русская Православная Церковь Заграницей отмечала особо памятные дни. Среди них - «День Непримируемости» и «Граурный день», посвящённый зверскому убийству Царской Семьи, которую В.А. горячо любил и глубоко уважал до конца своих дней. К сожалению, не все доклады Вадима Александровича сохранились, так как очень часто ему приходилось читать экспромтом. У него был исключительный дар слова, - без какой-либо предварительной подготовки или записей он мог

произнести речь или говорить на любую историческую тему, в любое время, когда того требовал случай. Но сохранился один, главный труд Вадима Александровича, в сущности, дело его жизни - «Великий Князь Кирилл Владимирович и Князь Владимир Кириллович», написанный в 1977 году в Австралии, в Брисбене, где он анализировал вопрос о Российском Престолонаследии. За год до своей кончины в 1990 году Вадим Александрович написал добавление к этой статье - «Постскриптум» - по поводу «Протеста Князей Рода Романовых против самовольного поступка Князя Владимира Кирилловича».

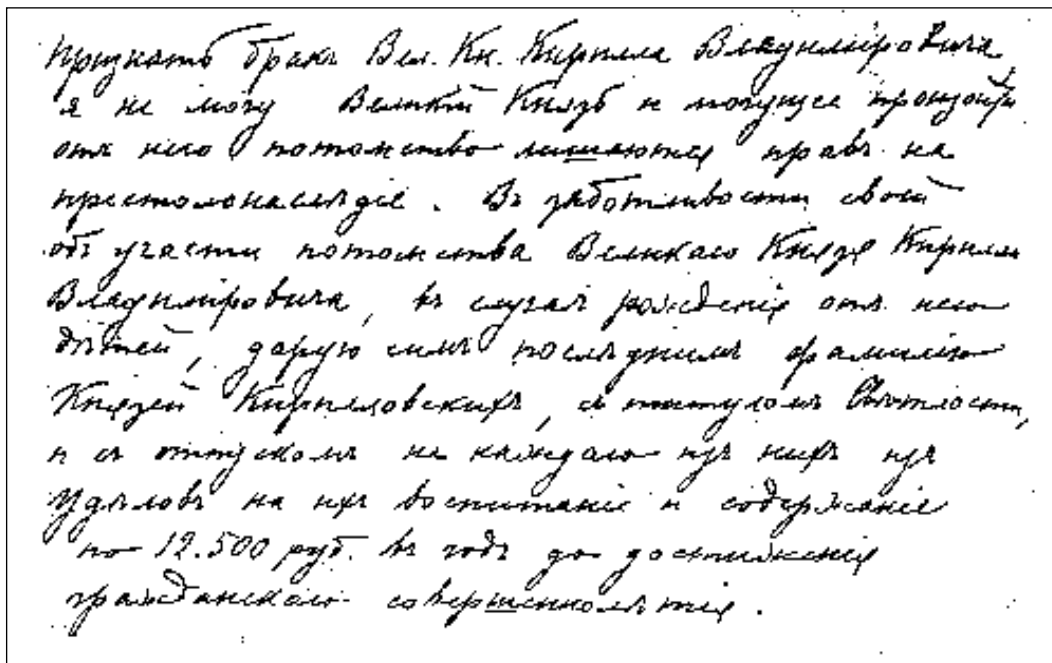
При жизни Вадима Александровича этот труд в Австралии напечатан не был, и только через полгода после его смерти - стараниями Н.Г. Лобастовой (ур. Лауберт) - он был опубликован в газете «Единение» в четырёх частях: за 6, 13 и 20 декабря 1991 года, и затем - 3 января 1992 года, за что семья В.А. очень ей благодарна.

Кроме того, недавно в Интернете встретилась статья А.Р. Штильмарка (отдел - «Диалог с читателем»), ответ на письмо начальнику Гл. штаба Российского Национально-Монархического Союза, Алексею Шубабако), где в своих источниках Штильмарк ссылается на труд В. Малеевского, и таким образом выяснилось, что эту работу в 1993 г. опубликовал в России самиздат, под названием: «О несуществующих правах на Престол Е.В. князя Вл. Кирилловича и его потомков».

И только в 2004 г. стало известно, что в архиве Н.Б. Новосёлова хранились звукозаписи нескольких исторических докладов доктора Малеевского, которые В.А. читал в течение ряда лет по разным случаям. Таким образом г-н Новосёлов любезно предоставил семье Вадима Александровича несколько записей, за что ему также бесконечная благодарность. Воспроизведение одного из этих докладов появлялось в журнале «Жемчужина» (№ 19, 2004 г.), под названием «В горниле испытаний».

Колесо истории... Скончался доктор В.А Малеевский 15 мая 1991 года в Брисбене, так и не увидев воскресения своей Родины. Он немногим не дожил до дня своего рождения, когда ему должно было исполниться 80 лет.

Т.Н. Малеевская.

Резолюция Николая II о лишении В. К. Кирилла прав на Престол — из книги М. Назарова «Кто наследник Российского Престола?» Книгу можно заказать наложенным платежом: 117133 Москва, а/я 20.

ДЛЯ СПРАВОК:

<http://www.zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/97/186/81blas.html>

<http://www.tzar.orthodoxy.ru/ost/mnk/9.htm>

<http://www.rusk.ru/st.php?idar=800520>

<http://www.klimov.kiev.ua/Books/Bnar/Bn08.htm>

<http://apocalypse.orthodoxy.ru/>

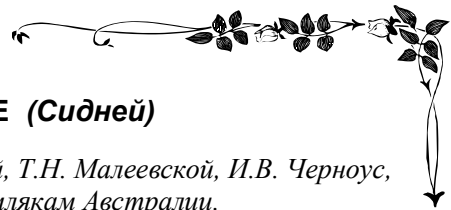
<http://www.russia-talk.com/>

<http://www.rusk.ru/st.php?idar=102863>

<http://www.russia-talk.com/otkliki/ot-349.htm>

<http://www.rusk.ru/vst.php?idar=208830>

Стихи Валентина Ефремова...

РУССКИЙ КЛУБ В СТРАТФИЛДЕ (Сидней)

Людам Русского Зарубежья – Н.Ф. Бутвилло, Н.А. Грачёвой, Т.Н. Малеевской, И.В. Черноус, Л.А. Ястребовой - в их лице всем дорогим землякам Австралии.

Давно родными стали континенты,
Но есть особый уголок земли, -
О Русском клубе в Стратфилде легенды
По всей земле харбинцы разнесли.
Друзья всегда желание находят
Для встреч необходимых и святых, -
Харбинский мост и Харбор-Бридж проходят
Через сердца харбинцев дорогих:
О, Русский клуб земляческого братства! -
Надежда встреч душевностью полна.
Она нас укрепляет: не расстаться
С наследием родного Харбина.
О, Русский клуб! Мы чтим первопроходцев,
Их здоровый ум и веру – созидать.
И никакая блажь словоторговцев
Не пересилит кривдой правду-мать.
Так было то ли жизнью, то ль судьбою –
Через Хинган вести Дороги нить
И эту землю обогреть собою,
И новый город к жизни возродить.
Уже какие годы миновали,
А вот, поди ж, в легенде сберегли
Харбин и веру, жизненные дали,
И всё животворящее земли.

О, Русский клуб! Ни бед, ни потрясений,
Здесь «Единение» справляло юбилей;
Здесь лишь тогда на лицах святотени,
Когда теряем дорогих людей...
Австралия! По праву земляками
Зовётся Русским... клубом, и землёй;
Иконостас имён и святопамять
Достойны здесь Истории самой*.
Австралия! - земляческая пристань,
Родимый кров и вечный упокой.
Благодарю страну прекрасной мысли –
Принять людей не только на постой...
О, Голубые горы буганвиллий! –
Чтоб жизнь такой зовущю была!
Что главное? – Мы жили и любили,
Храня в сердцах церковей колокола.
И славен тот, кто доброе планете
Несёт как смысл самый дорогой, -
Кто боль чужую с горечью заметит
И дорожит не жизнью, а судьбой.
О, Русский клуб! Здесь ум и человечность:
Впадает Парраматта в океан...
Так наш Харбин течёт легендой в вечность,
Обогащая нравственно землян.

Вопросов судьбоносных очень много:
Что истинно? Что ложно? Что в былом?
А нам дано Землячество от Бога,
В котором всё – судьба, молитва, дом.

* Не могу не указать издания великой летописи: Австралиада, Жемчужина, Политехник, Церковное Слово, Антология русской поэзии Австралии. (В. Ефремов).

СТИХИ О КНИГЕ -

«В память об усопших в земле Маньчжурской и о харбинцах».

(Виталию Афанасьевичу Мирошниченко, святоупокоенному, Татьяне и Александру Жилевич).

Кто держал эту книгу, поверьте, -
Волновался, рыдал, вспоминал...
Но не думал о горестной смерти –
Доброй памятью прошлое звал.
Память – ставни души не забыты,
Память – лучший подарок добру:
Старики и родня не забыты,
Не развеян их прах на ветру;
На погосте оградные плиты
В дамбу Сунгари не снесены,
И могилки родные не срыты,
И на них ангелочки видны.

Эту книгу душою листая,
Мы идём от креста до креста, -
Просветляется память святая
От сошедшего в души Христа.
Мы в Австралии – Мирошниченко
Упокойную славу поём.
И супругам Жилевич оценку
За труды от души отдаём.
Кто держал эту книгу, поверьте, -
Волновался, рыдал, вспоминал,
Но не думал о горестной смерти,
Ведь кладбище – до Бога привал.

Из сборника «Дорогие Харбинцы», Россия. Золотая летопись Русского Восточного Зарубежья.

Балеты Чайковского

Творческие принципы Чайковского, его понимание симфонической природы балета, определили стиль и характер балетной музыки композиторов следующих поколений. Чайковский создал и утвердил основы музыкально-хореографической драматургии и раскрыл широчайшие перспективы классического балетного искусства для появления содержательных, образно насыщенных спектаклей. С симфонической музыкой Чайковского пришла в русский балет драматическая страстность человеческих чувств. Он совершил подлинный переворот в музыкальной драматургии балета.

Михаил Фокин, талантливейший, всемирно известный балетмейстер, танцовщик и хореограф, так писал об этом: «Чайковский не только сразу овладел сокровищами балетной техники, но с первых же шагов обогнал балетных композиторов и указал совершенно новые пути».

Знаменательная встреча Петипа с Чайковским обогатила балетный театр великолепными творениями. Совместно с блестящим хореографом Львом Ивановым были созданы, по сей день покоряющие мир, балеты: «Лебединое озеро», «Спящая красавица» и «Щелкунчик».

Михаил Фокин называл Чайковского великим композитором. Он писал:

«Нельзя не изумляться разнообразию его дарования. Оно всеобъемлюще. Когда изучаешь симфонию Чайковского, думаешь: симфония его специальность, лучше всего ему удаются симфонии. Когда слушаешь романсы Чайковского, думаешь: настоящим призванием Чайковского являются романсы – сколько в них лиризма и изящества, сколько знания человеческого голоса и души! Когда смотришь оперы Чайковского, думаешь: кто ещё овладел лучше его оперною формой! Когда танцуешь балет Чайковского, думаешь: настоящее призвание Чайковского – балет!»

Я танцевал во всех его балетах – и в «Спящей красавице», и в «Щелкунчике» и в «Лебедином озере»... Сколько благородства и красоты в этой музыке, как радостно отдаваться ей! Велик Чайковский во всём. Велик он и в балете».

Премьера «Лебединого озера», первого симфонического балета, в постановке выписанного из Австрии балетмейстера Рейзингера состоялась в Москве на сцене Большого театра 20 февраля 1877 г. и успеха не имела, что принесло Чайковскому большое огорчение и разочарование. Рейзингер ничего не понял в гениальной партитуре Чайковского, и после нескольких безрадостных сезонов, балет был снят с репертуара. Как писал в своих воспоминаниях известный музыкальный деятель, критик и педагог Николай Кашкин, музыкой распоряжались бесцеремонно, варварски. Едва ли не целая треть музыки была пропущена или заменена вставками из других балетов. Из партитуры вырезали самые ценные куски и вставляли цирковую музыку. Некоторые номера были выпущены, как неудобные для танцев. Разрушая первый акт, в него вставили нивесьть откуда взятый «галоп».

Короче говоря, от балетного шедевра остались «рожки да ножки».

15 января 1895 г. в Петербурге, в Мариинском театре, балет был заново поставлен Львом Ивановым и Петипа. Композитор Асафьев называл Льва Иванова душой русского балета.

За последующие десятилетия многие хореографы вводили свои изменения в постановку танцев, но музыка Чайковского звучала по-прежнему. В записанной на видео-кассете постановке «Лебединого озера» 1957 года, с изумительно талантливой Плисецкой в роли Одетты-Одиллии, в «Танце маленьких лебедей» вместо знаменитой четвёрки танцевало шесть балерин. Потом они разделились на три пары и стали исполнять что-то совсем новое. Это были милые танцы, но всё же не стоило искажать прославленную хореографию Льва Иванова, до сих пор вызывающую бурные аплодисменты во всём мире. Кто был автором этой переделки, нигде не было указано.

Но бывало, что хореографические изменения сделанные со вкусом и талантом украшали и обогащали балетные постановки. В 1999 году, благодаря тому, что здание лондонского Ковент Гардена ремонтировалось, английский балет гастролировал по миру. Прибыл он и к нам, в Сидней. Ставили «Лебединое озеро», но не в обычном театре, а на арене

огромного, на 10 тысяч мест, Entertainment Centre, приспособленного для цирковых выступлений. Декораций, естественно, не было. Прожектора направляли на середину арены. Исполнение было великолепным - отточенная техника балерин, выразительная мимика, летучие элевации танцовщиков. Балет шел в рамках традиционной хореографии Иванова-Петипа, но размеры арены позволили постановщику оригинально использовать огромное пространство. В ансамблевых номерах, как испанский, венгерский, неаполитанский, мазурка, он увеличил число исполнителей почти вдвое, и танцы от этого очень выиграли. В «Танце маленьких лебедей» вместо одной четвёрки танцевали две отдельные четвёрки, которые шли двумя диагоналями и смотрели в разные стороны. Это было прелестно и не нарушало любимую всеми постановку Льва Иванова. При появлении злого волшебника Ротбарда эффектно выплывали клубы пара. Чарующую музыку Чайковского исполнял прекрасный оркестр мельбурнской филармонии.

Фокин много внимания уделял выразительному танцевальному воплощению артистами своих чувств и переживаний. Он не мог примириться с тем, как психологический, эмоциональный жест многие постановщики заменяли традиционными, прочно установившимися, условными знаками. В своей книге Фокин приводит пример:

«Что делается в первой картине балета «Лебединое озеро»? При поднятии занавеса выходит воспитатель Зигфрида и жестами говорит: «Сюда идёт друг принца Бенно». Затем выходит Бенно и говорит: «Сюда идёт Зигфрид». Выходит Зигфрид. Поздоровавшись и выпив с друзьями вина, он говорит: «Сюда идёт моя мамаша» Таким образом заполнено множество страниц партитуры. (Известно, что чем больше жестов и беготни, тем меньше надо ставить танцев! – Е.Я.) Мамаша - неизменный элемент всякого балетного сюжета. Придя на сцену, она делает на ней большой круг. (Зачем она делает этот круг – не объяснит ни одна мамаша). Затем она говорит сыну, чтобы он перестал пить и женился. Она складывает вместе руки и говорит: «пожалуйста, женись» Он отвечает: «нет»! Она повторяет просьбу. Он повторяет: «нет». Она в третий раз, складывая руки, просит его жениться, и он отвечает: «хорошо». Не ясно ли, что такой диалог может существовать лишь благодаря отсутствию выразительного, естественного жеста в балете?»

Так описывает Фокин работу многих балетных постановщиков.

Роль Одетты-Одиллии - трудная роль. Артистка должна воплотить в своих танцах два совершенно различных, диаметрально противоположных образа - нежно лирический Одетты и коварно-обольстительный Одиллии. Некоторые современные балетмейстеры, желая усилить эту разницу, поручают исполнение роли Одетты-Одиллии двум балеринам, что, на мой взгляд, разбивает смысл сюжетной линии.

Я помню, как много лет назад приезжал в Сидней ленинградский балет и давал полностью «Лебединое озеро». Роль Одетты исполняла миниатюрная, тоненькая балерина, очень подходившая к роли Одетты. Одиллию танцевала высокая, плотная балерина, с сильно развитыми ногами и выдающимся волевым подбородком. По сценарию злой волшебник Ротбард придаёт своей дочке Одиллии черты Одетты, чтобы обмануть Зигфрида, но даже маленького сходства не было у этих двух балерин. Я смотрела и думала: каким дурачком сделали Зигфрида! Где у него глаза? Неужели он не видит, что перед ним совершенно другая женщина, даже отдалённо не напоминающая нежную, любимую Одетту? Впечатление было испорчено. Даже профессиональное исполнение дуэтных танцев не могло сгладить этой нелогичной подмены, и все переживания принца потеряли смысл. Когда же эти две роли исполняются одной балериной, всё становится на свои места. Вы верите, переживаете, наслаждаетесь.

Создавая «Спящую красавицу», Чайковский ещё более упрочил союз симфонической музыки и хореографической драматургии. Обширное либретто Петипа по мотивом сказки Перро создает массу творческих возможностей для композитора и хореографа. Какой простор для постановщика даёт один лишь пролог с выходом фей, когда они, одна за другой появляются у колыбельки Авроры чтобы приветствовать ее и высказать свои пожелания!. Для каждой феи композитор создаёт соответствующую ее характеру мелодию. Вариация феи Сирени, крестной Авроры, отличается от танцев других фей своей пленительной плавностью, напевностью. Петипа составляет её из арабесков, аттитюдов, пируэтов и грациозных полётов. Когда фея Сирени подходит к колыбельке, музыка внезапно меняется, в ней звучит смятение, угроза и в мир тепла и ласки врывается, как злобная

чёрная птица фея Карабосс со своей крысиной свитой. Всем известен сюжет «Спящей красавицы». Я остановилась на этой сцене из пролога, чтобы подчеркнуть то, как музыка рождает танец. Об этом писал Фокин, и Плисецкая говорила: «Я танцую не под музыку, я танцую музыку».

В «Лебедином озере» Чайковский создал первые образцы балетного вальса, замечательные лирические поэмы. Вальс из «Спящей красавицы» такой же пленительный, с постепенным симфоническим сюжетным нарастанием.

Эпизод, когда веселая Аврора укалывает веретеном палец и с ужасом смотрит на свою окровавленную руку и затем начинается ее лихорадочный танец - едва ли не высшее создание Петипа в этом балете. Гениальная музыка Чайковского придает этому эпизоду характер большой человеческой драмы.

Аврора не умирает, как того желала Карабосс. По велению феи Сирени, она засыпает глубоким сном и будет спать сто лет. С нею засыпает все королевство.

Я ставила «Спящую красавицу» два раза в виде пьесы, украшенной балетными номерами. Многие мои артисты, теперь уже сами ставшие родителями, до сих пор помнят эти постановки, а некоторые даже могут прочитать отрывки из своих ролей. Перед началом последнего акта, когда принц Дезире пробуждает поцелуем спящую Аврору, на фоне закрытого занавеса было прочитано стихотворение, которое я написала, как введение к финалу пьесы. Мне хочется здесь его привести.

Прошло сто лет, сто долгих, долгих лет.

Менялись реки, города и страны,

Смывали где-то берег океаны,

Чертили небо отблески комет.

Но сохранился замок на планете,

Где время замерло в глубоком долгом сне,

Где паутин причудливые сети

Висят на каждом стрельчатом окне.

Где птичьего давно не слышно хора,

И звери не проходят той тропой,

Где в замке спит прекрасная Аврора

Повергнутая волей колдовской.

Не слышно там ни голосов, ни смеха,

Всё затянулось мохом и травой,

Лишь писк мышинный повторяет эхо,

Писк торжествующий и злой.

Ползучие растения, как змеи,

Все стены замка жадно оплели,

Но близится конец коварным чарам феи,

И пробужденья сроки подошли.

На празднике в честь свадьбы Авроры и принца Дезире проходит целая вереница танцев: вариации Авроры и Дезире, выступления сказочных персонажей: Белой Кошечки и кота, Голубой птицы и других. Сам Чайковский признавался: «Спящая красавица» - едва ли не лучшее из всех моих сочинений».

Балет «Щелкунчик», созданный по мотивам сказки Гофмана, по сей день неизменно вызывает восторг всех детей цивилизованного мира. Симфонией детства, детских дум, игр и детской любви назвал «Щелкунчика» композитор Асафьев. По его словам это детство на переломе, когда уже волнуют надежды ещё неведомой юности, а ещё не ушли детские навыки, страхи, когда куклы будто живые, и играя в войну – видишь себя мужественным и храбрым.

Первое представление «Щелкунчика» состоялось в Петербурге в 1892 году.

В небольшом немецком городке семейство Зильберхаус празднует Рождество. В центре сцены роскошно убранная елка. Дети – девочка Клара и мальчик Фриц резвятся со своими маленькими гостями и любят подарки. Крёстный Клары, старик Дроссельмейер, дарит ребятам танцующих кукол, а своей крестнице смешную игрушку – Щелкунчика,

который умеет раскалывать орехи. Озорной Фриц вкладывает ему в рот самый большой орех и у Щелкунчика ломаются зубы. Фриц бросает игрушку. Но Клара поднимает с пола изуродованного Щелкунчика, повязывает ему голову платком и укладывает спать. Ночью куклы и игрушки оживают. Появляется Мышиный король со своей свитой – мышатами. Роли мышат обычно исполняют маленькие ученики балетных школ и страшно любят свои мышинные костюмы с длинными хвостиками и всю увлекательную сцену битвы с оловянными солдатами. Такова завязка балетного сюжета.

В современной советской редакции «Щелкунчика» Клара переименована в Машу, что совсем не вяжется с фамилией Зильберхаус, братом Фрицем и Дроссельмейером. Тогда уже и фамилию родителей надо сменить и Дроссельмейера сделать Иваном Ивановичем, а братика – Петей. И вообще перенести место действия в какой-нибудь русский город. Но не в этом суть дела. Хореография балета прославленных мастеров Иванова и Петипа по-прежнему покоряет зрителей, как и непревзойдённая музыка Чайковского.

Все знают, что несчастный сломанный Щелкунчик превращается в красивого юношу и вместе с повзрослевшей Klarой уходит в зимний елочный лес.

«Словно раздвигаются стены детской комнаты, - писал Асафьев, - и герой с героиней вырываются на свежий простор, в лес, навстречу ветрам и вьюге...»

Здесь можно любоваться очаровательным танцем, взбудораженных ветром, снежинок, озарённых лунным светом. Затем Клара и Щелкунчик в золочёной лодке приплывают в царство сладостей – Конфитюрбург. Их встречает фея Драже, которая живёт в сахарном дворце. Чайковский наделил исполнительницу этой роли труднейшей для хореографа вариацией.

Щелкунчик берёт Klarу за руку и объясняет всем, что ей одной он обязан своим спасением. Начинается праздник. Каждый танец Чайковский истолковал по-своему и дивертисмент приобрел особое новаторское звучание. Для танцев Кофе, Чаю, Шоколада (арабского, китайского, испанского) композитор выбирал инструменты, соответствующие характеру данного номера.

Партитура «Щелкунчика» обогатила мировой балет новым шедевром. Кто не знает «Большой Вальс цветов»? Наряду с обаятельно-певучим любовным дуэтом Одетты и Зигфрида в «Лебедином озере», он стал одним из самых любимых музыкальных произведений для миллионов зрителей и слушателей.

Чайковский написал всего три балета. Но можно ли представить себе балетный мир без этих бессмертных творений великого русского композитора?

Как показала жизнь, всё мелкое, посредственное, пошлое, всё то, что так громко называется модернизмом, но по сути своей больше похоже на горячечный бред больного, обречено на забвение, и унесётся, как мусор ветром. А истинно великое живёт и будет жить в веках, обновляя и очищая людские души своей неуязвимой, подлинной красотой.

ЕЛЕНА ЯКУПОВА.

Июнь 2005

Почему мы так говорим? *ИЗЮМИНКА...*

Через год после смерти Л.Н. Толстого, в 1911 году, Московский Художественный театр впервые поставил пьесу «Живой труп» из литературного наследия великого писателя.

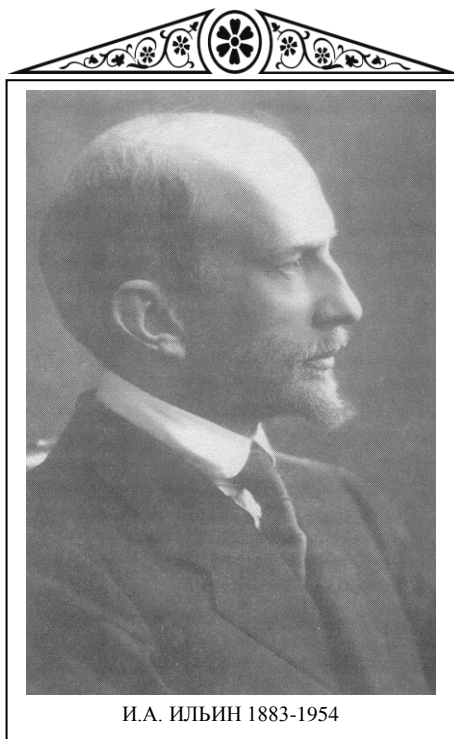
В одной из сцен герой пьесы Фёдор Протасов говорит: «Семейная жизнь! Да, моя жена идеальная женщина была. Она и теперь жива. Но что тебе сказать? Не было изюминки. Знаешь, в квасе изюминка? Не было игры в нашей жизни».

Постановка «Живого трупа» была крупным общественным и театральным событием, вызвавшим обсуждение и отклики, и «изюминка», которую цитировали газеты, говоря о проблеме брака того времени, стала крылатым словом.

Взгляд в даль

Книга размышлений и упований Том VIII. - I. «Раны»

2. Властолюбие.

И.А. ИЛЬИН 1883-1954

Чего же они, собственно, хотят - эти властолюбивые люди, о которых нам то и дело вещает история? Чего же жаждут они в качестве награды и воздаяния за свои извечные усилия и труды, за свою неизбывную напористость и риск? Что сулит владыке власть? И вправду ли она столь велика и всеохватна?..

На первый, поверхностный, взгляд, власть одного человека над другим кажется довольно могущественной, если не безграничной. Все властителю по силам. Он может подданным все дать и все у них отнять, сделать их счастливыми или несчастными, может мучить их и унижать, дарить им жизнь или посылать на смерть. И даже более того: он может

людей, всех людей и целые народы, заставить плясать под свою дудку или ползать на коленях; он может по-ве-ле-вать, и согласно его повелению строятся и разрушаются города, развязываются и утихают войны, вводятся новые порядки, новые силы, новая мода, создается новая музыка, изобретаются новое оружие и орудия пытки. И все это есть власть. И все это дает высшее наслаждение: стоит только подумать: «Мне кажется, что...» — и мир вертится по моему хотенью! Какое довольство! Какая полнота существования! Может ли быть высшее счастье?..

Сомневаться в том, что существует такая жизнеустановка (как, возможно, «высшее счастье») не приходится. То, что она не представляет собой ничего нового (с ней мы встречаемся в различные эпохи и у различных народов), факт как раз непреложный. Примечательным здесь является то, что в основе этой жизнеустановки лежат своеобразные предпосылки, которые каждый из нас должен, однажды помыслив, в себе преодолеть. На такое осмысление и должно быть направлено здоровое воспитание народа. Там, где оно места не имеет, выигрывает слепая химера власти и начинается погоня за ней со всеми ее непоправимыми последствиями: разнузданностью, нравственным разложением и гибелью.

В основе такой жизнеустановки лежит наивная, но резко выраженная точка зрения, что человеческая жизнь, как и культура в целом, сводится к внешнему. Следовательно, «существенное» и «решающее» есть не внутренние духовно-душевные процессы и содержания людей, а внешне ощутимые движения, слова и дела, независимо от того, что породило их и что стоит за их фасадом в действительности. Здесь «важны» неукоснительное послушание, строгая дисциплина, покорность, подчинение, верноподданничество; и «неважны» побудительные причины к тому - будь это любовь или коварство, убеждение, идущее от сердца, или раболепие, свободная лояльность или расчетливая корысть, простодушие или тонкое коварство. Тут внешнее играет роль: слова, тон, лесть, угодничество. И в этом смысле страх (сковывающий, цепящийся страх) даже «лучше», нежели свободное и достойное человека чувство почтения. «Oderint dum metuant», - с цинизмом говорилось в Древнем Риме («Пусть ненавидят, лишь бы боялись»). Так что жаждущий власти жаждет и послушания.

Тут он и прав, и не прав. Прав, поскольку внешняя власть в основном вполне довольствуется этим. Не прав потому, что она недооценивает и упускает из виду остальное.

Власть одного человека над другими людьми имеет определенные пределы: она кончается там, где начинается свободная любовь, спонтанная активность, творческий дух. Где подступаются к последнему, глубинному, существеннейшему в жизни и культуре, там внешняя власть, пасуя, отступает - со всеми ее претензиями, угрозами и шантажом, со всем ее насилием, застенками и пытками.

Гонители веры могут демонстративно запретить соблюдение внешних атрибутов, взрывать храмы, распускать приходы, сжигать церковные книги, ссылать верующих и казнить. Но как им удастся лишить их внутренней, молчаливой, сосредоточенной молитвы? Добиться «утреннего отречения от того, во что они верят? Запретить им творческое восприятие Божественного светового луча? Откуда знать гонителям веры, что, может быть, как раз самый отчаянный богохульник в тихие часы ночи, в уединении, в очистительных слезах раскаяния обращается к истинной вере. Вот почему гонитель может быть уверен в том, что он в своей стране против воли вызывает к жизни качественно новый слой религиозных людей; что он концентрирует веру, очищает человека, заставляет светиться внутренним светом, но помимо того — развязывает руки ханжеству и грубой силе. Во внутреннее же царство веры входа для него нет. И наступит момент, когда он неизбежно погибнет от своего же собственного, столь тщательно культивируемого им безбожия.

Извращающее или подавляющее человека насилие, парализующее свободу творческих исследований и их результатов и тем самым как бы ставящее на колени национальную академию, может вызвать к жизни только лженауку. Результаты исследований по приказу суть ничто, суть заказная «конструкция». Истины силой не добиться; истину не исказить: чуть попытаешься это делать — она тут же и ускользнет; и мнимо ученый хватается за пустоту теней. Тогда смолкает мощный глас науки, академия превращается в погост, и более поздние поколения с ужасом или с улыбкой сожаления думают об этих временах.

Безнадежное дело создавать по приказу и подлинное искусство. Еще не найден пока рецепт, по которому можно выращивать одаренного художника наподобие гомункула в реторте. Истинное вдохновение по приказу не создать. Художественная идея приходит к мастеру неожиданно; художественный образ вынашивается им свободно. По заказу можно делать только вывески да предметы украшения. Кто думает иначе, тот в истинном искусстве не понимает ничего и готов любую мало-мальскую безвкусицу ремесленника принять за подлинное произведение. Все истинно художественное внешней силе чужеродно и неподвластно. И чем притязательнее и последовательнее протупает в жизни эта сила, тем безнадежнее ее потуги.

Гораздо в большей степени, чем искусства, сказанное касается сферы чувств и морали. Стоит только властителю сделать попытку принудить себя к истинной любви, к истинному почитанию, к истинному поклонению, как он сразу же поймет, что цветы сердца распускаются только по собственному органически свободному, глубоко сокровенному почину и что без этих цветов свободы не может быть ни счастья, ни культуры на земле. По заказу сердце человеческое не распахнешь. Добродетель угрозами не задашь. Еще ни одному тирану не удалось силой вызвать в мире добро. Здесь есть предел. *Nic Rhodus – hic salta**. И всякая культура, раскрывающаяся под давлением нетворчески - и мнимая, и пустая.

А как обстоит дело в области правосознания и политики? Можно ли здесь добиться рыцарской верности методом страха и угроз? Можно ли вызвать любовь к Отечеству по приказу властей? Свободная лояльность всегда была истинным источником правопорядка, мощнейшей скрепой государства, благороднейшим мотивом к подчинению и исполнению долга. Зажим властей унижает человека. Они посягают на его достоинство и самоуважение. Лишенная же достоинства креатура лишает этого качества и все вокруг; она преуспевает только в сфере продажности и лицемерия...

Где же проявляются «безграничные возможности» власти извне, особенно если учесть, что ей больше приводится иметь дело с твердо установленными, непересекаемыми границами? Самого драгоценного в человеческой жизни, самого превосходного в светской культуре - органического, свободного, вдохновенного, таинственно-спонтанного: молитвы, очевидности, любви, добра, верности духа, всех нитей потустороннего, всех путей к Божественному - ей не дано; все это для нее недостижимо. Внешняя власть только для внешней власти и хороша. При максимальном, всепроникающем давлении гнета она может рассчитывать только на ударную силу внешней организации. И когда она пытается внешне сделать достоянием внутреннего и путем впечатляющего внушения укрепиться в духе, то внушаемые ею же настроения и содержания оказываются на поверку до того механистичными, поверхностными и противными свободе и природе, что все самое ценное и самое цельное в человеческой жизни замыкается в себе и никак не проявляет себя. Тогда властителю ничего не остается, как пойти на шантаж, запугивание и мучительство людей.

Нерон поджигает Вечный Город, чтобы полюбоваться грандиозным зрелищем и после - воспеть его. Калигула может бросить под ноги своего коня достоинство римского Сената, а своей бабушке с угрозой сказать: «Помни: я могу все против всех!»* Что же, однако, означает это нелепое и вероломное «могу»? Удручающе мало и ничего положительного. Вот это и есть то, что должно внушить человеку всякое здоровое воспитание. Это и есть то, что должен каждый из нас преодолеть в себе как ложное воззрение и соблазн. На первый взгляд, внешняя власть «может» необычайно много, на деле же - крайне мало. Переоценка ее покоится на иллюзиях, на плоском жизневосприятии, на материалистическо-механистических предрассудках, согласно которым все можно изъять «изнутри» и воплотить «вовне». Все эти иллюзии, если их в себе не преодолеть, если пойти у них на поводу, в конечном счете приводят к тягчайшим разочарованиям и вызывают величайшие катаклизмы в мировой истории. «Ибо вот, Царство Божие внутри вас есть» (Лук. 17.21).

3. О ЛЕСТИ

Когда люди сходятся, они, как водится, судачат друг о друге. А если судачат, то тому, о ком судачат, хотелось бы, чтобы эти пересуды были хорошими. Кто из нас способен спокойно выслушивать строгую критику, не говоря уже о несправедливых упреках?.. Чаще всего нам кажется, что критик нас не понимает, а порицатель выступает скорее как злой привередник. Всякое осуждающее «нет» задевает нас до глубины души, каким бы справедливым и обоснованным оно ни было; и наоборот - всякое похвальное «да» «умиляет» нас, приносит покой, облегчение и по-своему ободряет: все же я «признан», «замечен» - значит, успех, вес, карьера!.. Как много людей, которые о своем собственном успехе судят по чужим меркам и необычайно чувствительны к любой оценке со стороны... Они даже не догадываются, насколько они несвободны, насколько зависимы и какие случайности подстерегают их на каждом шагу. Вот тут-то и разворачивается настоящий простор для льстецов...

Впрочем, надо быть справедливым: тот, кто, осуждая и критикуя других, щадит их из милосердия, подчеркивает лучшее в них, ищет деликатных выражений, чтобы как-нибудь не ранить их, поддержать в них дух, тот, конечно же, не льстец. Тонко чувствующее сердце, открытость, скромность и смирение могут подчас сделать критика до того осторожным и осмотрительным, что от его критики не останется и следа, а тот, кого критикуют, почувствует себя даже «польщенным» в некотором роде. Но отсюда до настоящей лести - дистанция огромного размера.

Лесть начинается там, где один хочет взять верх над другим методом похвалы. И тут не столько важно, что один хвалит, а другой становится податливым, сколько необъективность похвалы и беспредметность намерения склонить к себе другого, расточая комплименты. Настоящий льстец необъективен в своей похвале даже тогда, когда он говорит дело, когда он действительно отмечает хорошее и умеет это по-умному и деликатно преподнести. Вопрос: «для чего» его похвала? - беспредметен и своекорыстен; главное его намерение - склонить к себе того, кого он хвалит, и весь его опыт в этом плане есть, по сути, не что иное, как подкуп. Очень даже возможно, что это намерение подкупить даже тому, кого хвалят, понятно не до конца и витает где-то в тени (как задняя мысль). Но бывает и так, что оно вполне осознанно и детально продумано. Бывает скрытым или завуалированным, так что для обоих едва заметно; и тогда для лести - настоящий простор.

Однако льстец должен знать меру, и значит - совершенствовать форму лести, верно ухватиться за планку здравого смысла того, перед кем он рассыпается в похвалах, учитывать степень его проницательности и тщеславия.

Наивные, недалекие, тщеславные люди внемлют с радостью даже самой неуклюжей форме лести. Тонкие, строгие, серьезные и объективные натуры сразу же чувствуют фальшь, беспредметность и низость протягиваемых им льстецами даров. Чем выше духовный уровень человека, тем безразличнее для него лесть, тем осторожнее приходится быть льстецу, тем тщательнее надо маскироваться и скрывать свои уловки.

Опытный, тонкий льстец никогда не прибегнет к прямому славословию или хвалебным дифирамбам своей «жертве». Сначала он обмозгует недвусмысленно все «за» и «против», расчислит и проложит пути к беседе с нею, сделает в ее сторону пару незаметных «реверансов», бросит пару незначительных учтивых фраз, а похвалу напрямую выскажет в

*Светоний. Жизнь двенадцати цезарей. Калигула, 29.

форме чисто субъективного «восторга», дошедшего до него окольными путями, через других людей.

Рафинированный льстец попытается пленить так, чтобы я ничего такого не заметил. Он «упивается» тем, что мило и мне; «одобряет» и «хвалит» мой вкус; никогда не перебьет, если я говорю; охотно, с любезностью, позволяет это делать мне, признавая тем самым мое «преимущество» как нечто «само собой разумеющееся». Он ставит вопросы, придает «большое значение» моим ответам - и мне доставляет удовольствие, что «признают мой авторитет». И наконец, дает понять, что только «в меня и верит».

Всегда после таких бесед у меня возникает чувство, что я хватил чего-то через край, что мне надо малость отдохнуть и, как кажется, очиститься. Временами я задаюсь вопросом: «Что ему, собственно, от меня надо?..» Но - вроде бы ничего не надо, вроде бы он вполне искренен; и я в конечном счете начинаю укорять себя в излишней подозрительности, компенсируя ее «полным доверием» к нему. Смысл французской пословицы «*calomniez, calomniez, - il en restera toujours quelque chose*» применителен и к лести, потому что в человеке живет детская легковёрность к похвале, скрытая жажда признания, своеобразная симпатия к тому, кто «знает ему цену». Вот почему от всякой лести - порою даже самой очевидной - в нас «что-нибудь да остается»...

Обычный льстец, впрочем, не столь уж тонок; он в своей лести не знает градаций, меры и формы; берет зачастую через край и умным человеком угадывается тут же. Но это его нимало не смущает. Он уже привык к тому, что лезть у него, как инструмент жизненного успеха, всегда под рукой, и он, как ни в чем не бывало, протягивает другому свое медоточивое лакомство: «*il en restera toujours quelque chose...*» А у людей не всегда достаёт мужества повернуться спиной к его слащавой улыбочке и вкрадчивому взору. «*Mundus vult decipi*» - «мир рад обманываться», - и то же касается и самообмана. Заурядный человек редко думает о том, что в случае подкупа утрачивают достоинство обе стороны - и тот, кто подкупает, и тот, кого подкупают. Ведь «дары» в этом случае и невидимы, и недоказуемы... В результате можно утешить себя, что ты «все-таки этой лести не поддался» и что ее можно всерьез воспринимать лишь в той мере, в какой она «соответствует истине»: «возможно, он и льстец, но в данном случае он, может быть, и прав...».

Из этой тяги к лести в мире незаметно образуются *каверны и разворачиваются беды в области политики*. Кто знаком с историей Древнего мира (Греция, Рим, Византия), тот должен призадуматься над этим.

Поскольку в политике речь идет о том, чтобы «склонить людей», а нравственный уровень политиков далеко не на высоте, люди с легкостью хватаются за щедрые посулы и за более-менее скрытые попытки вкратиться в доверие. Демагог - особенно безответственный сулителем и льстец. А если он к тому же пылок и нагл, методом лести он быстро справляется с элементарнейшими инстинктами народов: он будит в душах людей тщеславие, лезя им неизменно; высокомерие, потрясая их воображение своими обещаниями; самые низменные страсти, воочию подкупая их. Таким способом он «склоняет» к себе народ, который, будучи необычайно доверчивым, всерьез воспринимает лезть. Незаметно для себя он поддается подкупу, а подкупающий его демагог становится «любимцем». Когда же этот любимец достигает положения тирана, тогда имеет место своеобразная ирония судьбы: поток лести вскипает и с головой накрывает породившего его льстеца. Теперь подкупающего самого подкупили. Атмосфера славословия и угодничества, царившая вокруг античных тиранов, превосходит наше воображение. Здесь не было ни меры, ни формы, ни вкуса. Подкуп методом лести выступает совершенно открыто и уничижает всех, начиная с льстивых придворных и кончая самими упившимися лезть тиранами. Особенно примечательным и поучительным здесь было то, что тиран, который как демагог способствовал разнузданию лести и сознательно ее не замечал, со временем поддался всеобщему обману своих мнимых обожателей и в состоянии самообмана уверовал в свою собственную «божественность»...

Так что лезть - это своего рода обман и подкуп. Она опасна и даже ядовита, как всякая ложь, и продажна, как всякая взятка. Но особенно ущербно ее влияние в области истинных ценностей и человеческих отношений в иерархическом плане. Человеку ведь не так просто сделать выбор между «добром» и «злом», точнее, не так просто провести различие между ними; вот и блуждает он, путая одно с другим, и одно принимает за другое; приемлемое

считает «хорошим»; что не по нраву - считает «плохим»; духовные ценности ухватить не умеет; видит смутно; судит беспомощно. А из этого нередко возникает сумятица в душах, расстройство и шатание в верхних слоях общества. Лысец же гребет под себя эти мутные воды себе на потребу, извлекая выгоду из надвигающихся сумерек. Он искажает истину и ведет с нею негласный торг. Он хватается за самое уязвимое место в человеке - за его самооценку, пытается ввести его в заблуждение, ослепить, сбить с панталыку, обыграть. Он мутит воду, путает тонкую, благородную ткань духовной культуры, нарушает иерархию ценностей и порядок земной жизни людей. Тем самым он уподобляется фальшивомонетчику: его монеты мнимые, а «ценности» не имеют реальной силы. Можно сравнить его и с соблазнителем детей: люди в своей самооценке наивны и беспомощны, как дети. Его работу можно назвать всеобщим предательством: вынашивая его втихомолку, он извлекает личную выгоду из общественной порчи.

Если мы сравним земную жизнь человека с единой, тонкой, духовной тканью, которую нам необходимо беречь и добросовестно ткать (поскольку это ткань Божия и Богом освящена), то четко и недвусмысленно увидим всю греховность лести. Все мы должны помогать друг другу советом и делом: честной, доброжелательной критикой — без надрыва, без крайностей, объективно, строго, ответственно, соответственно правде, с любовью. Это, пожалуй, и будет лучшим советом и лучшей помощью с нашей стороны. И это ничуть не меньше, чем поддержка, ободрение, ориентиры на пути по крутым ступеням вверх в ткани Божественной ткани. Однако эта помощь и совет, это благосклонное, братское созерцание, этот совместный труд людей над Заветами Бога на земле лысецом запроданы и извращены, изверены и оболганы. Он порождает духовную ложь и подкуп, создает продажную атмосферу, нравственное болото, из которого человеку не просто выбраться. В такой атмосфере всякое свободное, искреннее, смелое слово подобно струе свежего воздуха или глотку чистой родниковой воды...

И. ИЛЬИН.

*Так уходят с последним горем,
Так отходит в последний раз
В голубые просторы моря
Капитанский простой баркас.*

*От циклонов нависли снасти,
Воду черпает старый борт,
И морское шальное счастье
Угоняет баркасы в порт.*

*Потому что погасли звёзды,
Потому что борта скрипят,
А ещё потому, что поздно
Возвращаться теперь назад.*

*И шумит непреклонно море.
И нестойк ещё баркас.
Не отходят с последним горем.
Отплывают в последний раз...*

«Чураевка» № 7 от 27-12-1932 г., Харбин.

Георгий Гранин.

Любопытно...

Революция в печатном деле произошла почти что 50 лет тому назад в Америке. Как сообщает газета «Посев» от 18 ноября 1949 г. (№ 476), в США изобретели машину, которая устранила необходимость применения набора и даже сделала устаревшим применяемый в то время линотип. Применение этой машины демонстрировалось на заводе корпорации «Линотип» в г. Кембридже (Массачусетс),

В новом изобретении сочетались пишущая машинка и фотографический аппарат. Таким образом в печатном деле впервые появилась возможность вносить в текст исправления даже после того, как он был уже зафиксирован на светочувствительной плёнке, и, конечно же, новый способ печатания значительно удешевил весь процесс.

Тайны природы

Недалеко от моего дома протекала речка Нерль. Небольшая речка. Она шла, извиваясь, узкая и быстрая, в красивых берегах, то около песчанной осыпи, покрытой хвойным лесом, то у самого леса, переходила луга и большие болота, входила в большие плесы. И они лежали как круглые, огромные зеркала, отражая берега и лес. Эти заводи были очаровательны. У берега на лугу, покрытом цветами, паслись стада.

Река в болотах шла разветвляясь на несколько рукавов в зарослях ивняка, и покрыта была густой тиной и какими-то водорослями, похожими на маленькие седые деревья, усеянные розовыми цветами. Были места, покрытые купавками, болотными лилиями. Эти места мои друзья-охотники называли «окрошкой». Среди тины и зарослей открывались чистые плесы, чистые и глубокие - до тридцати аршин глубины. Но по зарослям, как бы по берегу, нельзя было ходить - он утопал под ногами, и это было опасно. Этими настилами заросла река на большое пространство.

Там было много утиных выводков, болотные курочки, коростели, цапли, выпь. У кустов, ближе к твёрдому берегу, водились дупеля и бекасы, и я встречал змей-гадюк совершенно чёрного цвета, как уголь. Бывали ужи, почему-то тоже чёрные. Вода в реке была кристально прозрачная, мягкая и вкусная.

В зарослях видно было, как в реке стеной шли, заворачиваясь, ярко-зелёные бодяги, которые заматывали весь шест, когда я ехал на челне. Летом при солнце и жаре приятно пахло водой и тиной, пахло летом... Зелёные и голубые стрекозы носились над водой, садясь на осоку. Стояли рядами так называемые камыши с тёмными длинными шишками. Там жили огромные пудовые щуки, стаями ходили золотые язи и гладкие лини, большие караси и тёмные окуни. Мелкой рыбы не было, - когда я ловил с челна рыбу на удочку, всё думал, что попадёт какая-нибудь особенная рыба из этих глубоких плесов. И действительно, раз поймал большого карпа в пять фунтов, с крупной чешуёй красивого цвета и жёлто-светлыми глазами. Его золотая чешуя перемешивалась с серебряными и перламутровыми бляхами. Там же поймал совершенно чёрного окуня с белыми глазами и красными, как кровь, плавниками.

Вот однажды, выйдя на речку Нерль, - недалеко от дома, где на лужке, на берегу, была моя лодка, наполовину вытащенная на берег, - я увидел на корме лодки несколько рыб. Кто-то, должно быть, ловил. И бросил. Рыбы испортились, стухли. Корма лодки была в воде. Я взял железный черпак, снял им этих рыб и бросил в воду, - они тут же потонули и мне было видно, как они легли на дно, где был песок.

Солнечный июльский день. Я пришёл писать с природы пейзаж. Вышел из лодки, взял холсты, ящик с красками, мольберт, зонтик, пошёл по берегу против течения. Пройдя четверть версты, подошёл к другой небольшой речке Ремже, которая шла от мельницы Ремжи.

Ремжа была много меньше Нерли и впадала в неё. Я повернул по Ремже влево и пошёл по зелёному лугу, где шла речка.

Найдя красивое место у самой речки, я сел писать картину. Поставил мольберт, раскрыл зонтик и увидел нечаянно, что около противоположного берега по песку, под берегом, быстро один за другим идут по дну раки - целой вереницей, по течению, к реке Нерли, куда впадает Ремжа. Я подумал: - «Куда это так спешат раки?»

Встал и пошёл по берегу, вниз по течению, не упуская раков из виду. И увидел, что они поворачивают в Нерль, то пропадая в глубоких местах, то появляясь на мелких. Они шли к оставленной лодке, откуда я бросал испорченную рыбу...

Когда я подошёл к лодке, раки уже облепили брошенную рыбу кучей и, вонзаясь в неё клещами, мололи её. Их всё прибывало. Я с лодки смотрел за их работой. Странно: в то же

время снизу реки, куда бы должен был идти запах испорченной рыбы, не шло ни одного рака. Меня это поразило: что это значит? Как мог проникнуть запах рыбы далеко за речку Ремжу? И как раки из этой Ремжи могли бежать в другую реку? И в то же время – почему ни один рак не шёл снизу, где запах должен был быть сильнее? Что за свойство у рака, что за непостижимое чутьё?

Я позвал приятелей посмотреть это странное явление. Те были поражены. Кстати, они положили на дно сеть, потом набросали рыбу, и наловили раков больше двух сотен. Раки были хорошие. Но когда вскоре - дня через три - опять бросили на сеть протухшую рыбу, чтобы ловить раков, ни одного рака не пришло. Значит, раки поняли, что их ловят, и другим рассказали...

На той же Нерли, далеко от моего дома, в глухом месте, были большие широкие плесы. Назывались они «Глубокие ямы». Как-то летом я поехал туда. Поставил на берегу среди кустов палатку, думал прожить неделю. За этим плесом была высокая гора, покрытая осинником и елями. Лес отражался в реке, темня всю заводь. «Потому-то, - подумал я, - они и называются Глубокие ямы...»

Место было, как рай. Я писал с природы красками. Со мной был приятель-рыбак – охотник, поэт и скиталец – Василий Княжев. Он любил эту жизнь. Он говорил:

- В красоте природы кружиться - лучше жисти нет!

Это была жизнь поразительная тайной прекрасного ощущения. Чудеса созерцания – утра, вечера, ночи... какое-то слияние чистой красоты с её тайной гармонией...

С вечера горит костёр. Подвешен чайник. Пьём чай. Берег – чистая трава, и река тут же. А ночью спим в палатке, - ни души кругом! Собака с нами, мой Феб. Феб любил такую жизнь. Комаров мы выгоняли из палатки с вечера, прожигая ветви можжухи...

Василий на берегу чистил к вечеру пойманную рыбу. Клал в котелок, чтобы варить уху. А требуху от рыбы бросал с берега в воду, рядом, близко.

Когда мы ели уху, был тихий летний вечер. Внезапно увидели мы у берега волнение и лёгкий всплеск: два небольших сома подошли к самому краю берега и трепали эти рыбы отбросы; подальше мы увидели огромного сомищу, пуда в два, который лежал на дне неподвижно. Мы резали куски рыбы и бросали в воду. Сом едва двигался и ел брошенную рыбу. Мы подошли к самой воде, - огромный сом ел из самых рук! Мы были поражены: у него распускались в воде усы и белые, как бисеринки, глаза чудовища смотрели на нас...

Василий говорит мне тихо:

- Ведь это што: ведь это он людей не видал никады! Узнал бы их, тогда бы... А тут никого не бывает. Глядите-ка, весь омут лесом завален! Тут никто и не ловит. Вот он и не знает. А узнал бы, бросил бы дурака ломать. Ну и чуден: глядите, рыбу-то целенькую небось не ест, велит - «разрежь! кусочками давай!» Чисто, Феб ваш: даёшь баранку - не хочет есть; а кусочками ломаешь – всю съест тут же! Ведь это што...

Через неделю Василий смеётся на берегу. Идёт ко мне.

- Вот чудно! - говорит, - наш-то чертила у меня сейчас выхватил кусок. Ну, чего это... невидано дело; а ведь, ежели купаться... ведь, этакий за ногу схватит, утопит! Неужто мы так его и не поймаем?

- Нет, - говорю, - Василий, нельзя.

И подумал: - «А ведь, верно говорит Василий: место глухое, не видал людей, не знает обмана. А сом верит человеку, чуть не из рук ест... Как странно».

И глядя на сома, на его добродушную огромную голову, на ленты его плавников на спине, вспомнил, что сказал Александр Сергеевич Пушкин:

«В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит...»

Ивспомнил я своё детство. Раз под Москвой, по дороге в Кусково, навстречу мне вышел на задних лапах огромный медведь. Я испугался ужасно. На плечах медведь тащил своего пьяного хозяина-поводыря.

Хозяин спал. И, поправляясь, дёргал рукой цепь - спяну, должно быть. У бедного печального, озабоченного медведя, от дёрганья пьяного хозяина, около кольца из носа шла

кровь. Но он, бережно держал лапами, тащил своего мучителя. Проходя мимо меня, когда я сидел в овражке у дороги, он грустно пробормотал: «бу-бу-бу-бу-бу». Должно быть, он хотел рассказать мне про горькую тайну жизни...

Тайны! Как-то раз в Петербурге я был в мастерской скульптора Павла Трубецкого. В огромной мастерской, где он работал, памятник императору Александру III. За обедом подошла огромная собака. Оказалось, что это был волк, настоящий наш волк!

Волк положил мне голову на колени и смотрел в глаза, прося. Я не знал, что это волк и гладил его по голове. Тогда он положил мне на колени лапы. Трубецкой стащил его за шиворот.

- Он пристаёт, - сказал он мне.

Павел Петрович кормил его орехами, которые волки очень любят. И когда, после обеда, я сидел на лестнице около статуи огромной лошади, князь крикнул:

- Волчок. Волчок!

Волк, до того лежавший в углу с собаками, встал, подошёл, сел рядом со мной на лестнице и положил голову мне на плечо.

Князь сказал:

- Добрый волк. Ты знаешь, он добрее собаки... Он вегетарианец - мяса не ест, как и я. Это ты ел - помнишь, в Париже - «тэт де во»... Это ужасно!

И правда - я вспомнил, как заказал себе в ресторане «тэт де во», как Павел Петрович встал и ушёл.

Особенный, хороший, талантливый человек Павел Петрович. Раз в саду, около его мастерской, я видел, как он вышел... как воробьи и галки слетелись к нему и сели на плечи. Он любил зверей и птиц, и никогда не ел мяса. Я заметил, что звери относились к нему с особой нежностью.

Я знаю здесь, в Париже, лейтенанта флота: полный вегетарианец. И знаю непонятную радость и любовь моего Тоби к нему, - он как-то опускает уши, прыгает к нему на колени, и не уходит. Ни к кому так Тоби не ласков, как к нему. Нет ли тут тайны?

Во время огромных снеговых заносов на юге России птицы с южных степей спустились все вниз, к самому морю. В Крыму тоже было много снега. И вот, дрозды летели к домам и забивались в самые сакли татар.

На моей даче в Гурзуфе набились во все комнаты дрозды и пичужки. А утром рано пришли ко мне в комнату - к двери - печальные и покорные огромные птицы дрофы. Вошли ко мне, как какие-то монахини. Грелись. Пришли ко мне, пришли и к татарину Тефику, и к Осману...

Почему они знали, что я, Тефик и Осман их не убьём, не съедим, не продадим? Когда другие били их палками и резали... Он не пришли на дачи, где их изжарят! Почему они знали, что потом, когда стает снег, я повезу их, связанных в больших корзинах, в степь и выпущу на волю?

Тайна. Мало мы знаем тайн. Если бы мы больше знали тайн, может быть, лучше было бы на земле...

КОНСТАНТИН КОРОВИН.

*Запели тёсаные дроги,
Бегут равнины и кусты,
Опять часовни на дороге,
И полинявшие кресты.*

*Опять я тёплой грустью болен
От овсяного ветерка,
И на извёстку колоколен
Невольню крестится рука.*

*О Русь, малиновое поле,
И синь, упавшая в реку,
Люблю до радости, до боли
Твою озёрную тоску.*

*Холодной скорби не измерить, -
Ты на туманном берегу.
Но не любить тебя, не верить -
Я научиться не могу.*

С. Есенин.

О длине стихотворений

В английском языке слово «роет» двусмысленно и, в силу этого, почти бессмысленно: это и шуточный стишок вроде «Pussy cat, pussy cat, where have you been?», и острая эпиграмма Ogdon Nash, и «Дон Жуан» Байрона, и средневековый «Beowulf» и «Кристалл» Колриджа, и «Песнь о Гайявате» Лонгфелло...

Русские переводчики, не утруждая себя выяснением значения слова «роет» в каждом отдельном случае, и переводящие иностранные термины не столько по смыслу, сколько «звучу», тоже с лёгкостью в мыслях необычайной принимают слово «роет» за синоним русского слова «поэма». В связи с этим вспоминается глупое положение, в которое поставил себя некий журналист, «переведший» название сборника В. Набокова «Poems and Problems» как «Поэмы и проблемы», хотя не было в нём ни поэм, ни проблем, а содержал сборник стихотворения и шахматные задачи.

К счастью для русских книжников, у нас есть два разных слова вместо одного английского «роет»: стихотворение и поэма. Примеры стихотворений: «Не искушай меня без нужды», «Люблю грозу в начале мая», «По небу полуночи ангел летел», «Есть в напевах твоих сокровенных», «Опять, как в годы золотые»; но есть также и более длинные – «Песнь о вешем Олеге», «Бородинская годовщина», «Клермонтский собор», «На поле Куликовом», «Капитаны» (авторов не называю: стихотворения эти общеизвестны).

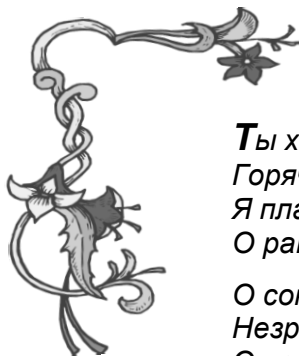
Эпиграммы и шутки обычно не превышают четырёх или шести строк. Картинки природы – до шестнадцати. Раздумья («стансы»), внутренний диалог, аллегии (споры души с телом, ангела с дьяволом, добродетели с пороком), басня – строк до тридцати.

Стихотворения лиро-эпические - «Анчар», «Утопленник», «Емшан», «Менуэт», «Фелица», «Водопад», «Утреннее размышление о Божьем величестве» - несравненно длиннее (хотя и не все) – в сто, и двести, и триста строк. Ограничений, по существу, быть не может: длина всецело определяется размахом темы.

Ещё менее ограничены по числу строк, строф, песен или глав – поэмы эпические, с лирическими отступлениями или прослойками: такие, как «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Медный всадник», «Пиры», «Демон», «Аул Бастунджи», «Мцыри», «Кому на Руси жить хорошо», «Младенчество», «Первое свидание». В этом жанре рамки раздвигаются почти до беспредельности.

Длиннейшая поэма, о которой мне привелось прочесть - «Таинственная капля» Фёдора Николаевича Глинки, изданная в 1861 году в Берлине и в 1877 году в Москве, содержит около тридцати тысяч стихов (то есть, строк).

ВАЛЕРИЙ ПЕРЕЛЕШИН.

*Ты хочешь выведать причину слёз напрасных,
Горячим жемчугом сверкающих в глазах?
Я плачу о годах безоблачных и ясных,
О ранней юности и невозвратных днях...*

*О сонме ярких снов, о лёгком трепетаньи
Незримых, светлых крыл нетронутой души;
О первой радости, и первом ожиданьи,
И первом трепете в таинственной тиши;*

*О том, что молодость и красота, и сила,
И грёза лучшая бесцельно расцвела...
Я плачу оттого, что не тебя любила,
И не тебе рассвет свой ясный отдала!*

Баронесса Ливерт.

Наталья Резникова

- ПОЭТЕССА И ПИСАТЕЛЬНИЦА -

Наталья Семёновна Резникова родилась 7-го июля 1911 года в Иркутске. Отец – адвокат, около четверти века практиковавший в Харбине, куда семья Резниковых эмигрировала в 1921 году.

«Тайком, оставив всё наше имущество, пропившись только с близкими друзьями, мы поездом отправились в Читу, а оттуда перебрались в Маньчжурию. В Харбине зажили свободно, забывая, что живём в Китае, а не у себя...» - так она писала в своей неопубликованной автобиографии.

В 1928 г. Резникова окончила русскую гимназию и поступила на Юридический факультет, который окончила в 1932 г.

Работала в редакции журнала «Рубеж», вела отдел библиографии, опубликовала ряд рецензий на сборники современных поэтов. Переводила с английского и французского. Участвовала в кружке «Молодая Чураевка», печаталась в коллективных сборниках «Лестница в облака» (1929 г.), «Семеро» (1930 г.), «Багульник» (1931 г.), «Излучины» (1935 г.). В журнале «Рубеж» регулярно появлялись её стихи, рассказы, переводы. В 1930-е годы вышли романы Резниковой «Измена» и «Побеждённая», книга рассказов «Раба Афродиты».

Первая книга стихов «Песни земли» была издана в 1938 г., вторая книга стихов «Ты» вышла в 1942 г. после переезда в Шанхай из Харбина, где, как Резникова писала в автобиографии, стало душно с приходом фашистски настроенных японцев. Работала в «Шанхайской Заре», писала для этой газеты статьи о спектаклях, художественных выставках, концертах.

В Шанхае опубликовала книгу «Пушкин и Собаньская». В 1943 г. вышла замуж за датчанина – капитана Helge Tarby. С 1948 до 1951 г. жила в Копенгагене и в Лондоне. «Почти перестала писать, поменяв лиру на личное счастье» и только потеряв мужа в 1948 г. и очутившись в 1951 г. в Нью-Йорке, вернулась к писательству. Училась на курсах бизнеса. В 1956 г. вышла замуж за известного скульптора Г.В. Дерюжинского (1888-1975).

В 1990-е годы жила в приюте для слепых в Нью-Йорке.

Читала Л.Н. Ганина 15-го апреля 2007 г.
в Русском Клубе на встрече «К.К.М.»

Ольга Бакич и Вадим Крейд.
«Русская поэзия Китая»

Бывают спокойные дни и счастливые ночи, -
На этой земле мы не только страдаем, любимый...
Но светлые миги, чем ярче они, тем короче,
А чувства и страсти так быстро проносятся мимо.
    Меня ты на скучной земле научил улыбаться
    И лить бесконечные, горькие, трудные слёзы,
    Но сладостно мне всей душою слезам отдаваться, -
    Они освежают, как летние синие грозы.
Ах, жить стоит только тогда, когда любишь и веришь,
Когда для другого ты – радость одна во вселенной...
Пусть душу твою не дано мне понять и измерить, -
Тебе одному я останусь верна неизменно.

Наталья Резникова.

Стихи Натальи Резниковой

Случайный взгляд, короткий разговор,
Случайно спутавшиеся дороги,
И на мгновенье – тёплый, тёмный взор,
Всегда такой задумчивый и строгий...

Вы мне чужой, но ближе всех родных...
С охапкой роз я вас уже встречала,
В лучах Леванта ярко-золотых
Огонь я ваших поцелуев знала.

Да, ваша жизнь полна своих тревог,
Своих забот, а может быть, и счастья,
А у меня – своя любовь, свой рок,
И горькое своё несчастье.

Но это сны. А здесь, в тоске моей,
Вы – только передышка от страданий,
И оттого любовь ещё острее,
И оттого слова – как заклинанья.

И будущего нет у нас... Нет слов...
Столкнулись мы во тьме земных скитаний,
Но в нашей встрече – привкус прежних снов,
И неизбежность близкого прощанья.

Не надо сожалеть, что завтра нет,
Не надо сожалеть, что всё случайно...
Как сумерки, как голубой рассвет,
Прекрасно то, что охраняем в тайне.

*Не позову тебя я никогда.
Печаль, тревога, нежность – всё забыто.
Журчит весенняя прозрачная вода –
Земля дождями и росой омыта.*

*Я больше не люблю, не плачу, не грущу,
Не жду письма, коротенькой открытки.
Но, может быть, я лгу... и всё тебе прощу,
Лишь ты придёшь и станешь у калитки!*

Тёплый вечер разбросал опалы
На садов цветущую парчу...
Те слова, что я вам не сказала,
Тихой ночью горестно шепчу...

Прозвучал этюд старинный Черни,
Где-то поезд свистнул на мосту...
Те слова звезде шепчу вечерней,
И кричу цветущему кусту.

Те слова горячего привета
Нежной лаской радости живой,
Грезит ночь о знойных чарах лета,
Майский жук кружит над головой.

С гордых губ упали сразу путы,
Ворожит Маньчжурская весна,
Умирают медленно минуты,
И в цветах весенних я одна...

Лепестки их падают на гравий,
Алым снегом устилая путь...
Ничего теперь нельзя поправить!
Никого нельзя теперь вернуть!

Наперёд не узнаешь, где найдёшь, где потеряешь.

Рассказ.
 (Из журнала «Рубеж», Харбин 1938 г.)

Олаф Седерстрем задержался в конторе и теперь торопился домой. На Банде, как всегда в этот час, движение было большое. Он попал в затор и, положив руки на руль своего спортивного синего Бьюка, ждал, когда двинется гусеница стоявших перед ним автомобилей и путь станет свободным. Рассеянно смотрел он на переднее стекло, залитое дождём, потоки которого стирала двигавшаяся по стеклу стрелка. Он устал. Мысли были тяжёлые: невозможно было отвлечься и думать о чём-либо другом, кроме того, что банкротство было неизбежным.

«Лундгрэн, - думал он. – Только он может выручить. Если взять у него тысяч сорок и вложить их в покупку бобов... Но если Ганс не даст..?» Передняя машина двинулась; он твёрдой рукой взялся за руль. Влажный асфальт отражал в мутных сумерках огни города, но, занятый своими мыслями, он не видел ничего, кроме дороги.

«Ганс молодец, он не играл на валюте... Проклятый азарт! Проклятая война! На ней наживаются одни и разоряются другие. А, чёрт! - затормозил он, чуть не сбив рикшу. – Нет, не надо думать. Хоть на минуту перестать думать о делах! Завтра всё решится, а пока – забыть...» Он свернул на Баблингвел. Мимо пронеслась витрина цветочного магазина, и он вспомнил, что сегодня к обеду будут гости - только что приехавшая из Европы русская пара, известный пианист с женой, давний друг его жены; вспомнил, что обещал жене купить вино и закуски. Он остановился у большого английского магазина, где всегда делал покупки.

В магазине было много народу, но приказчик-китаец, прекрасно говорящий по-английски, сразу же освободился, узнав хорошего покупателя, и стоял перед ним склонившись, внимательный и любезный. «Преимущество денег начинаешь замечать, когда их теряешь», - подумал Седерстрем, и попросил показать десертные вина и коньяк. Он выбрал, как обычно, самое дорогое, и приказчик, улыбаясь, уверил:

- Для вас – всегда только самое лучшее.

Купил ещё сыр, рокфор, сардин, бело-розовый балык, небрежно бросил взгляд на довольно внушительный счёт, взял покупки и, уже уходя, приостановился в отделении, где были выставлены цветы. «Фиалки... первые в этом году!» - он выбрал самый большой, самый свежий букет, не велел его заворачивать и, окончательно расплатившись, вышел.

Садясь в автомобиль, положил цветы рядом с собой. Их бархатистая свежесть напомнила ему что-то давно забытое, о чём всё некогда вспоминать: Швеция, дождь, мамина усталая бледная улыбка и девушка с глазами лиловыми, как эти фиалки, которые он тогда принёс ей. Ингрид... Почему он вспомнил о ней именно сегодня? Положительно, он становится сентиментален, как старый осёл. Он сердито нажал акселератор и помчался с большой скоростью.

Когда въехал в ворота шестнадцатиэтажного дома, в двенадцатом этаже которого помещалась его квартира, лицо его, как обычно, ничего не выражало. Обыкновенное лицо делового человека, с обыкновенной судьбой и обыкновенными мыслями. Поставил автомобиль в гараж, вошёл в нарядный холл и поднялся на мягко идущем лифте наверх.

Отыскивая в кармане ключ, он слышал как звенел за полированной дверью звонкий голосок сына.

- Дэдди! – Эрик первый бросился к нему навстречу.

Чёрным клубочком, повизгивая, подкатился к ногам той-терьер. Белоснежный бой освободил его от покупок и помог снять пальто. «Может быть, всё ещё образуется...» - подумал Олаф, успокоенный благополучной обстановкой своей комфортабельной квартиры.

И в бедах люди живут, а в неправде пропадают.

- Где мама? – спросил он, обнимая сынишку за плечи и входя с ним в кабинет.
- Одевается, - ответил Эрик. – Что ты купил? – спросил он с любопытством.
- Вино к обеду. Возьми цветы у боя и отнеси маме. Я пойду мыться.

Умываясь и бреясь, он прислушивался к оживлённой суете, царившей в доме. Здесь трудно было себе представить, что бывают в жизни трагедии, что возможны нужда и лишения: - «Никогда, никогда Инна и Эрик не должны их знать! Никогда!»

Выходя из ванной, он столкнулся с Эриком, в махровом халатике, за руку с амой в небесно-голубой куртке и штанах.

- Мы - купаться. Ты придёшь, дэдди?
- Хорошо, зайду.

Когда он вернулся в ванную, Эрик сидел в воде, и ама розовой мохнатой рукавичкой тёрла его худенькую спинку. Олаф смотрел на его острые лопатки, похожие на недоразвившиеся крылышки, на взъерошенный ярко-золотой его затылок, и испытывал боль, какой прежде никогда не знал, - боль и страх за мальчика.

Ама лепетала что-то на ломаном английском, Эрик смеялся, шлёпал по воде рукой, разбрасывая брызги, и требовал:

- Душ! Теперь хочу душ, как папа!

А он кивал головой, улыбался, как во сне, и чувствовал себя старым, усталым и одиноким.

- Олаф! – окликнула его Инна. – Ты ещё не одет? Скоро семь... торопись!

Он очнулся, вспомнил, что сегодня суббота, что надо надевать смокинг, что после обеда надо вести гостей в ресторан, подумал, что не так просто отказаться от привычек богатого человека. «Ну, как сказать Инне, что я разорён..?!» – подумал он малодушно и пошёл в свою комнату, где уже лежала приготовленная туго накрахмаленная сорочка и смокинг.

Как обычно, запонки не влезали в узенькие петли; как обычно, был приятен холодок свежего белья. Но Олаф был не прежний, словно вместе с надвигающейся катастрофой пришло новое восприятие всего окружающего. «Я же дал себе слово *не думать* сегодня!» - напомнил он себе, тщательно расчёсывая щёткой светлые, как у сына, с лёгкой проседью волосы.

В столовую он вошёл невозмутимый. У стола стояла Инна, поправляя фиалки в низкой хрустальной вазе.

- Олаф, у тебя бывают иногда великолепные мысли: эти фиалки удивительно гармонируют с нашим новым сервизом! Купил вино? – спросила она, оборачиваясь к нему всем своим стройным телом.

- Купил, - ответил он, закуривая сигару, и, подойдя к радио, стал крутить регулятор.
- Ради Бога, только не радио! Пусть Эрик уснёт.

Олаф отошёл и опустился в кресло.

- Лучше скажи мне, как тебе нравится моё новое платье? - спросила она, подходя к нему.

- Повернись.

Она сделала несколько шагов, манерно и изящно, как манекенша, потом чуть смущённо выжидательно посмотрела на него.

- Это – модель. Ленова только что получила её из Парижа... Стоит бездну денег! – она засмеялась тихим, немного виноватым смехом.

- Я люблю синий бархат. Тебе идёт... – одобрил Олаф спокойно.

Она села в кресло напротив, закурила сигарету.

- Понимаешь, Олаф, я волнуюсь, - призналась она: - ведь, мы не виделись с Сергеем уже двенадцать лет! Он успел стать знаменитым, а тогда мне было всего двадцать два, и ему столько же... Юность, прошедшая вместе...

Она оборвала. И он досказал за неё мысленно: «...юность, первая любовь». И опять, как в автомобиле, он почему-то вспомнил Ингрид. Нет, он не хотел бы *с ней* встретиться: дико было подумать, что с тех пор прошло больше тридцати лет. «Ведь, жить осталось считанные годы...» - вдруг опять пронеслось у него в мозгу.

Раздался звонок.

- Они!

Где цветок, там и медок.

Олаф, как посторонний, наблюдал за женой. Видел, как вспыхнули её щёки, как дрогнула рука, когда она бросила недокурную сигарету. Он не вышел в переднюю. Оттуда доносились восклицания по-русски, - русского он не знал, хотя отдельные слова ему были знакомы. Ощущение отчуждённости и оторванности охватило его.

Но гости уже входили в столовую, и Инна уже перешла на английский, знакомя мужа с гостями.

- Вы не можете себе представить, как я счастлив, что Инна не изменилась! Она такая же очаровательная, как была! Единственная! - чуть картавя и жеманно поднимая тонкие брови обратился Литвинов к Олафу.

Тот сдержанно кивнул.

- Ну, дай мне посмотреть на тебя ближе, - продолжал гость, подходя к Инне и обнимая её за плечи. - Разве я не имею права, после стольких лет разлуки, поцеловать тебя?

Инна подняла на него глаза и засмеялась. Олафу показалось, что ей приятна экспансивность золотоволосого розового красавца, бесцеремонно поцеловавшего её в разгоревшуюся щеку.

- Сегодня мы лишние, - сказала со спокойной иронией м-м Литвинова и дружелюбно улыбнулась Олафу.

- Да, пожалуй, друзьям детства лучше встречаться наедине, - заметил он снисходительно.

Литвинов выпустил Инну из объятий и, подойдя к жене, уже по-французски, сверкая белыми как снег, ровными зубами, объявил:

- Лиля, ты же говоришь, что никогда не ревнуешь... И не ревнуй!

- Вы, ведь, говорите по-французски? - спросил он Олафа.

Тот кивнул утвердительно.

- Французский - это мой второй язык: десять лет жизни во Франции - не малый срок, не правда ли? Вы понимаете, м-р... м-р...

- Седерстрем, - помогла Инна.

- ...м-р Седерстрем, я и до свадьбы, и после свадьбы, всегда говорил жене: «Есть на свете одна женщина - идеальная! чудная! - она должна была стать моей, но... не стала; я никогда её не забуду; сначала ОНА, а потом ты, Лиля!». И жена должна была с этим примириться.

Олаф почувствовал неловкость, - он не привык выражать свои чувства вслух, да ещё так бурно, при посторонних. Но этот русский артист, избалованный успехом, говорил с таким восторгом и так наивно, как ребёнок, что сердиться на него было невозможно.

- Давайте, сядем обедать, - нашёл он выход из положения. - Разопьём бутылку вина по случаю вашей встречи. Думаю, что вы одобрите.

- Люблю хорошее вино, особенно в приятной компании!

- Прошу вас к столу, господа, - очнувшись Инна и, позвонив, приказала бою подавать.

Обед проходил оживлённо. «Хороший обед!» - мысленно похвалил жену Олаф, понимавший толк во вкусной еде и винах. Раздражал его только французский язык, на который перешли ради гостей, хотя Олаф знал его неважно, а главное - не любил. Французская речь придавала всему легкомысленную развязанность и усиливала чувство отчуждённости к окружающим, даже к жене. Впрочем, вино притупляло ощущение.

Олаф пил много. Мрачность постепенно проходила и, хотя он не был пьян и ни на минуту не забывал о завтрашнем решительном дне и о том, что катастрофы всё равно не миновать, он начинал воспринимать окружающее со странной лёгкостью. Слышал, видел, понимал, но ничто не задевало, всё проходило мимо, всё было возможно, безболезненно и нестрашно.

- Знаешь, - говорил Литвинов, смотря только на Инну, против которой он сидел, - сегодня утром я сказал Лиле: «Я не пойду к ним; я не перенесу, если она стала безобразной индюшкой, вульгарной провинциалкой, разжиревшей и скучной». Понимаешь, этого нельзя было бы пережить! И вот, я встречаю тебя такой же, какой ты была... Нет, ещё лучше - тоньше, прекраснее! И чувствую, что именно *этого* я не могу пережить, что было бы лучше, если бы ты изменилась: тогда я мог бы не думать, *как* могло бы быть, *что* могло бы быть...

- Ты ошибаешься: если бы мы поженились, очарование быстро исчезло бы.

Инна сказала это серьёзно. Олаф посмотрел на неё сбоку; он видел её неправильный профиль, нежный овал юного лица, туго затянутые тёмные волосы, открывающие висок и маленькое ушко с родинкой... «Она не должна была этого говорить: хотя бы из-за Эрика не смела она этого сказать», - так почувствовал Олаф и, взглянув на черноглазую жену Литвинова, понял, что она того же мнения, как и он.

- Я не согласна с вами, Инна... Ведь, я могу вас так называть? – заговорила она.

- Конечно, - кивнула Инна, и подняла на неё расширенные светлые глаза.

- Я не согласна с вами: хотя, конечно, супружество - это далеко не очарованная страна, но в то же самое время только в браке люди научаются любить и понимать друг друга, щадить один другого и помогать. Только в браке рождается настоящая любовь. А всякие увлечения - мираж, забава!

- Проповедь заблудшему человечеству, - иронически возразил Литвинов.

- Мне кажется, что вы правы, - отозвался Олаф. – Позвольте выпить за ваше здоровье, - и он поднял бокал, любуясь правильным спокойным лицом Литвиновой.

- Я всегда думала, - продолжала гостя задумчиво, - что любовь, это - не восторг и опьянение, а полное понимание и снисхождение. Любовь, это - когда знаешь все недостатки и не замечаешь их...

Олаф невольно подумал, что она говорит о себе, и ещё – что она выигрывает рядом со своим жестикулирующим, позирующим мужем, которого хотелось просто выдрать за уши, как несносного мальчишку.

- За всю свою жизнь, - сказал Олаф, обращаясь к Литвиновой, - я столько не говорил о любви, сколько мы говорили сегодня.

- Вы, ведь, швед? Люди северных стран умеют глубоко и сильно чувствовать. Я люблю скандинавскую литературу и, благодаря ей, вашу страну.

- Олаф ничего не читает, - вмешалась Инна с непонятной враждебностью.

- Давно ничего не читаю, кроме газет, - поправил он жену: - ведь, я коммерсант.

Он налил гостям и себе вина, и так глубоко внезапно задумался, что потерял нить разговора. Очнулся лишь, когда услышал приятный голос Литвиновой, отвечавшей на какую-то реплику Инны:

- А мне кажется: когда любишь, ничего не требуешь, ни о чём не спрашиваешь и ни в чём не упрекаешь. Потому что все упреки, всё недовольства рассеиваются, когда тот, кого любишь, рядом. В конце концов, всё так незначительно, когда хорошо вместе.

- Я понимаю любовь так же.

Инна вскинула на мужа глаза. Никогда не слышала она от него ничего подобного, хоть прожила с ним восемь лет, а вот чужой женщине он вдруг открывается. Она почувствовала укол, похожий на ревность, и лицо мужа - с тяжёлым подбородком, с серыми дальнорзкими глазами – лицо пятидесятилетнего человека, выглядящего много моложе благодаря спорту и светлым волосам, показалось ей значительным и незнакомым. Она вспомнила своё увлечение им, первые годы горячего счастья, и вдруг ужаснулась появившейся между ними холодности. Пока не поздно, надо всё изменить.

После затянувшегося обеда все прошли в гостиную. Литвинов предложил Инне сигарету, посадил рядом с собой на диван, обнял за плечи. Как билось сердце двенадцать лет назад, когда он был рядом! Теперь была лишь тень прошлого волнения, но и оно было приятно...

- Поедем к «Фарену», - предложил Седерстрем.

- Обязательно! - вскочила Инна. - Хотите пойти напудриться ко мне в спальню? – обратилась она к Литвиновой.

Та встала и вышла вместе с ней.

Олаф курил. Он совершенно не знал, о чём говорить со щеголеватым артистом, но тот непринуждённо подошёл к роялю, взял несколько аккордов, потом заиграл что-то очень ласковое, очень грустное, - так по-крайней мере казалось Олафу. Он мало знал музыку, но нынче она его трогала. Он сидел, и ему чудилось, что вся комната наполнилась звуками; глуховатые, вкрадчивые, они сплетались в цветной узор, обволакивали, уводили в волнующий мир чувств, неведомых волнений и красок. «Просто я пьян», - сказал себе Олаф, стараясь страхнуть очарование. И вслух произнёс:

- Вы, действительно, мастерски играете!

День как день, да год не тот.

Розовощёкий красавец откинул со лба прядь влажных волос и сказал:

- Вальс Шопена.

Сверкающий блестящий вальс полился из-под пальцев музыканта. На короткий момент всё закружилось, затанцевало. Недаром Литвинов имел такой успех и в Европе, и в Америке. Он был виртуозом, ослепляющим виртуозом.

Олаф поднял глаза и увидел в дверях обеих женщин; у одной лицо было спокойное, чуть грустное, у другой горели глаза и дрожал рот. «Неужели она любит его до сих пор?» - с ужасом задал себе вопрос Олаф, вглядываясь в лицо жены.

Литвинов сыграл ещё что-то короткое, незнакомое, стремительно захлопнул крышку рояля и подошёл к Инне, точно она, а не черноглазая дама, была его женой.

- Помнишь, как я играл тебе во Владивостоке, и ты говорила: «Ты будешь знаменитым»...

- И я не ошиблась, - сказала Инна.

- Ну, до славы ещё далеко! – возразил он беззаботно.

- Je suis grise de ta musique, - сказала она тихо, и Олаф узнал этот «ночной» её голос, звучавший так только в минуты страсти...

Вспомнил ещё, что давно уже, даже в счастливые минуты, она этим голосом не говорила. Опять он почувствовал себя никому ненужным и нелюбимым.

Когда они вышли из дома, сырой ночной воздух протрезвил его, но чувство усталости и сознание банкротства вспыхнули с новой силой. Он выкатил свой Бьюк. Инна и Литвинов сели сзади, черноглазая дама – возле него, у руля. Ему снова показалось, что она понимает его без слов лучше, чем жена, и симпатия к ней ещё выросла.

- Мне нравится Шанхай, - заметила она: - даже после Европы этот город производит впечатление. Но в нём так же страшно, как страшно в каждом большом городе.

- Почему же страшно?

- Да потому что одиноко: все мы очень одиноки.

Опять она выражала словами именно то, что он чувствовал, но не умел точно формулировать: он был *один* со своими мыслями о близкой катастрофе, со своим отчаянием. Он *один* должен найти выход, *один* должен пережить позор...

- Но это даже хорошо, - возразил он ей и самому себе: - в этом есть некоторая свобода и гордость.

- Гордость? Она существует только там, где нет настоящей любви, а одиночество всегда с нами. Думаешь, что отдаёшь другому все ключи от своего сердца, а он открывает только некоторые двери, а самой главной не замечает или ключа к ней подобрать не может...

- И это хорошо, - повернулся он к ней лицом: - если бы им были открыты все двери, труднее было бы поступать, как вздумаешь, а ведь иногда в этой свободе - единственный достойный выход.

«Значит, достойный выход в том, чтобы поступить, как вздумаешь... Но как?» - спросил он себя и круто повернул, чуть не проехав нужной улицы.

- Вот и «Фарен»! – воскликнула Инна и первая выскочила из автомобиля.

За ней последовали Литвинов и его жена. Седерстрем вошёл в ресторан последним.

Увидев его, метр д'отель заулыбался. Быстро был приготовлен удобный столик в правом углу, против оркестра. Снова музыка чёрным душным покрывалом заволочла все мысли. Седерстрем заказал шампанское. И опять на помощь шло опьянение.

С Инной танцевал Литвинов и говорил ей что-то по-русски, и она слушала и смотрела на него немного безумными глазами. Олаф удивлялся, как это раньше он не заметил, что в глазах её зажигаются и мерцают золотые огоньки, что они искрятся и играют, как шампанское. И глядя в её глаза, он мучительно думал, что он ей не нужен, что он ей - лишь помеха, что Литвинов, если захочет, отнимет её и у него, и у Эрика без всякого труда. У нищего же Седерстрема – тем более...

«Факты не перестают существовать, даже если их стараются не замечать»

Хакслей.

II

На следующий день Седерстрем, по обыкновению, встал в семь часов. Прodelал все положенные гимнастические упражнения, принял душ и пошёл завтракать. В столовой его уже ждал Эрик. Он сидел перед тарелкой с поричем и лениво ел, поглядывая на дверь. На другом стуле сидел той-терьер и тоже ждал. Ама на маленьких ножках суетилась возле. Солнце светило ярко и зайчиком прыгало по белой скатерти.

- Ну, доброе утро, Эрик! – сказал Олаф, входя и садясь против сына за стол.

- Доброе утро, дэдди!

- Расскажи, как ты спал?

- Хорошо.

- Какой видел сон? – развернул белоснежную салфетку Олаф.

- Зелёный.

- Зелёный? – улыбнулся Олаф. – Это какой же?

- Ну, про лес... Дэдди, - продолжал мальчик, отодвигая недоеденную тарелку с кашей, - ты, кажется, забыл, что обещал мне подарить игрушечный автомобиль, как у Стивена? Чтобы можно было в нём ездить по комнате, гудеть, чтобы фары в нём зажигались, как в твоём автомобиле...

- Ты его получишь, - пообещал Олаф, откладывая газету. - Но за это ты должен доесть кашу. И кушать её каждое утро, до конца.

- Обещаю, - сказал Эрик и взялся опять за ложку.

- Слово мужчины?

- Да! - он торжественно протянул маленькую ручку, и Олаф её пожал.

Ама вытерла ротик Эрика, и он побежал в детскую. Олаф медлил уходить. Тяжёлое настроение не покидало его. Никогда до сих пор не испытывал он подобного мучительного томления. Он не умел выразить этого словами, но ему казалось, что если бы вчерашнего вечера не было, если бы Инна вдруг не ушла так далеко, ему было бы легче.

Вернулся в спальню. Жалюзи были спущены. Инна спала; в мягком полумраке комнаты её лицо без румян казалось мёртвенно-бледным. Волосы были спрятаны под сетку, выражение лица - враждебно-холодное. «Совсем чужая женщина!» - он отвернулся и, бесшумно ступая по мягкому ковру, вышел.

Прошёлся по кабинету, посмотрел на часы, направился в детскую. Ама вязала у окна, Эрик что-то лепил, сидя на детской парте.

- Давай, поиграем, - предложил Олаф.

Сын, не поднимая головы, ответил:

- Нет, я очень занят.

- И долго ты будешь занят? – спросил он, наклоняясь и вглядываясь в серьёзное личико ребёнка.

- Наверное, целый день, - вздохнул Эрик, поднял перепачканную ручонку и отодвинул её отца, прижавшего его голову к себе: – не мешай!

- Хорошо, - согласился Олаф, стараясь побороть несуразное чувство горечи и своей ненужности. – До свидания.

- Не забудь автомобиль! – крикнул Эрик звонко.

Утро было прекрасное. Бьюк ждал у подъезда.

Из года в год воскресные утра Седерстрем проводил в своей конторе. Он любил эти утренние часы одиночества; самые удачные сделки обдумывал он в эти воскресные часы. Может быть, и сегодня всё обойдётся. Он погрузился в вычисления, готовясь к серьёзному разговору с Лундгреном. Ему нужно было доказать, что спасение возможно, что есть выход, который не только распутает дело, но и даст прибыль обоим.

Но сегодня воскресная тишина помещения действовала на него угнетающе. Он посмотрел на часы. Лундгреном обещал приехать в одиннадцать, - сейчас было всего десять часов. Он зевнул, поднялся, достал из шкафа виски и соду, налил полстакана, выпил несколько глотков. Закурил сигару. Задумался.

В тишине кабинета, нарушаемой только звонками трамваев и гулом города, телефонный звонок прозвучал пронзительно резко. Он снял трубку:

- М-р Седерстрем? – спросил незнакомый мужской голос.

- Да. Кто говорит?

- Секретарь м-ра Лундгрена. М-р Лундгрен просил извиниться перед вами и сообщить, что видеться с вами он не может: он экстренно уехал сегодня в Нанкин.

Олаф почувствовал, что от волнения у него захватывает дыхание.

- Зачем?

- Фабрика м-ра Лундгрена сгорела дотла: в неё попала бомба.

- Но она застрахована?

- О, да, конечно.

Олаф опустил трубку. Последняя надежда рухнула. Неужели нет выхода? Выход надо было найти.

Он стал ходить взад и вперёд по комнате: - «Продать автомобиль, серебро, бриллианты; уехать, взяв Эрика и Инну, в Швецию к сестре...» В пятьдесят четыре года начинать всё сначала? Он почувствовал, что сил и энергии нет. Может быть, и можно было бы устроить там сносную жизнь, дать возможность Эрику учиться. Но... что если Инна не поедет? Если бы не вчерашний вечер, не её вчерашняя враждебная холодность к нему, и не его усталость... Он так устал!

Проклятие? А может быть, судьба? Почему именно сегодня фабрика Лундгрена должна была сгореть? Пожалуй, он на этом ещё выиграет, получит крупную страховую премию. Дело верное, страховка...

«Ну, конечно, страховка! Вот и выход!» - он подошёл к сейфу, отпер его, вытащил полис. Как раз в начале этого месяца полис был оплачен. Он посмотрел дату: он застраховал свою жизнь шесть лет тому назад, всё было в порядке. «Пятьдесят тысяч американских долларов... при теперешнем курсе валюты, это – целое состояние! На эти деньги Инна и Эрик уедут в Швецию – непременно в Швецию! – там им будет хорошо. Выход найден». Груз ответственности, позор скатились с его плеч, счастье и покой семьи были выкуплены у судьбы. Пусть ценою жизни... не страшно.

Он выпил ещё глоток виски - в горле у него пересохло. Достал чистый лист бумаги, долго писал. Сигара давно потухла и он закурил новую. Посмотрел на часы. «Автомобиль Эрику! - вспомнил он. - Надо купить ему автомобиль!» Машинально опустил руки в карман, денег не было. «В кассе», - сообразил он.

В кассе лежали аккуратно сложенные десятки и доллары. «Сто двадцать пять, - сосчитал он, - последняя наличность. Как хорошо, что больше это не важно...» Запер сейф. Постоял в раздумье. Проверил, на месте ли браунинг, - как всегда, он лежал в правом ящике стола. Запер стол и вышел.

Солнце сверкало ослепительно. Шофёр сразу заметил его и подал автомобиль. Назвав нужный адрес, Олаф откинулся на спинку сиденья.

Томила тоска - такая, какую он испытывал очень давно, ожидая Инну, худенькую девушку с сияющими глазами. «Неужели я с нетерпением жду смерти?! Остался ещё час, может быть, два: всё зависит от меня. А может быть, это самообман, и я не хочу смерти? Может, моя судьба так подтасовала события, чтобы я погиб? Всё останется на месте, и этот индус на своей вышке будет так же махать рукою, а меня не будет... Разве так уже жалко, что я этого никогда больше не увижу?» И он почувствовал, что жаль... до дикого сердцебиения, до мутной тошноты...

«Глупости! Лучше не думать!» Он бодро вошёл в магазин и долго и любовно выбирал игрушечный автомобиль. Нашёл прелестную модель – такую именно, о которой мечтал Эрик. Заплатил не поморщившись. Но вдруг, - представив себе, что он не увидит восторга сына, что вообще больше никогда не увидит его круглого как яичко, личика, веснушек на носу, синих серьёзных глаз, не вдохнёт запаха его волос, пахнувших, как ему казалось, перьями неведомой птицы и миндальным молоком, - он испытал на мгновение ощущение обморока.

Продавщица с удивлением смотрела на высокого шведа, на минуту зажмурившего глаза и сжавшего кулаки. Но это длилось секунду. Он очнулся, взял покупку и вышел.

- Везите меня в контору, - приказал он шофёру.

Тот удивлённо оглянулся.

- Я говорю: в контору! – повторил он раздражённо.

*Скупому душа
дешевле гроша.*

Когда они снова подъехали к знакомому серому зданию, Олаф был совершенно невозмутим.

- Отвезите миссис Седерстрем попку для Эрика и передайте, что я завтракаю в городе.

Не оглядываясь, он вышел из машины, вошёл в контору и запер за собою дверь.

Эрик так визжал и так радовался полученному автомобилю, что Инна не узнала толком у шофёра, куда поехал завтракать Олаф.

Без аппетита позавтракав, она вернулась к себе в спальню и легла на кушетку. У неё болела голова, на душе было смутно. Беспokoило, что Олаф не позвонил, - это произошло чуть ли не впервые в их жизни. Может быть, его задело вчерашнее её поведение? Теперь, когда угар рассеялся, она сама удивлялась, что в юности могла увлекаться Сергеем. Вчера было радостно его видеть, но сегодня она понимала, что быть с ним всегда - было бы невыносимо. «Пожалуй, несмотря на его виртуозную игру, его жена интереснее и цельнее его, - подумала она закуривая сигарету. - Надо было вчера же сказать об этом Олафу. Неужели он мог подумать, что я могла бы увлечься этим мальчишкой?!»

Она встала и начала ходить по комнате: - «Почему Олаф не возвращается..? - она не находила себе места.

Три часа. «Куда он мог поехать? Может быть, какое-нибудь деловое заседание? Весь последний месяц он был чем-то озабочен. Чем..?» Она начала упрекать себя: - «Мы не умеем любить друг друга; мы не умеем быть чуткими и нежными; последнее время мы совсем не бывали вместе, не говорили друг с другом; сегодня же, сегодня скажу ему всё то, что я передумала; скажу ему, что я люблю его, что мне жаль каждого дня, что проходит в полном моральном одиночестве; ещё можно всё исправить...» Она вызвала шофёра. Шофёр ничего не знал, - он отвёз господина в контору.

Половина четвёртого. «Куда он мог деваться, Господи!» - её стало знобить. Она приняла аспирина, легла и укрылась пледом. Заснула почти сразу. И проснулась, когда смеркалось, с ещё более тяжёлой головой. Долго лежала, потому что не могла стряхнуть тяжести дневного сна. Глухо билось сердце, лоб был в поту.

Вбежал Эрик и стал душить её поцелуями, но она нетерпеливо его отстранила.

- Папа не приходил?

- Нет.

Она встала, умылась, напудрилась, и всё старалась побороть волнение. Но оно становилось невыносимым. Решила позвонить Лундгрёну. Ей ответили, что он улетел в Нанкин. Позвонила к Штоубэ, старому другу Олафа, - его не оказалось дома. Она оставила свой номер телефона. Пошла в детскую.

Эрик шалил, не хотел идти купаться. Он сидел в новом автомобиле, давал гудки, и эти гудки казались призывами о помощи. «Может быть, что-нибудь случилось? Может быть, какая-нибудь катастрофа?»

- Мама, послушай! Послушай!

Но она не хотела слушать, она вся трепетала.

- Сейчас же иди купаться и спать! - крикнула она на сына и больно шлёпнула его по беленькой ручке.

Он заревел громко и обиженно. Заглушая его плач, раздался телефонный звонок. Она бегом бросилась к аппарату.

- Штоубэ, вы? Скажите, Олаф не с вами? Не видали его сегодня? Боже, с ним что-то случилось! Я знаю, я чувствую...

Штоубэ тоже встревожился. Посоветовал позвонить к Смитам и Тарлэ; обещал, что приедет немедленно.

Похолодевшими пальцами Инна крутила телефонный диск. Олафа нигде не было. Олафа никто не видел. Олаф исчез... Она стала звонить в контору, но никто не подходил. «А если ему там стало дурно? Если он лежит там один без всякой помощи?» - как раньше это не пришло ей в голову!

Когда лифт поднял Штоубэ наверх, в квартиру Седерстрема, Инна была совершенно одета.

- Скорее едемте к нему в контору! А потом будем звонить в полицию, - сказала она глухо.

Сверкающий Бьюк, которым вчера ещё правил Олаф, примчал их на Банд. Дверь в контору была заперта. Вызвали сторожа, соседнего полицейского. Взломали её.

Инна и Штоубэ вошли в темноту, в тишину. Он зажёл спичку, так как не мог найти выключателя.

Около письменного стола лежал Олаф, - светлая голова его была откинута, тело странно вытянуто. Он был мёртв...

Наталья Резникова.

*Если избегать встречи с фактом лицом
к лицу, то он ударит по спине. Боуден.*

ПОСЛЕДНЕЕ ПИСЬМО

Я понял всё. Я Вас до боли понял.
Но Вам, коварная, ни слова не скажу.
Ещё не раз меня судьба уронит, -
Так что с того, что я сейчас лежу?..
Да, что с того, что так хотелось верить
В бездонный мир невинных Ваших глаз?
Безумец! Я хотел собою Вас измерить,
Себя и Вас хотел в единый слить экстаз.
В мечтах своих, в пылу воображенья,
Я строил мир чудесных, светлых грёз...
И если все они достойны разрушенья –
Виновен только я, лишь я смёшон до слёз.

Ведь столько лет с улыбкою холодной
Я говорил о том, что в мире нет любви,
Что вся она – один мираж бесплодный,
Минутный жар, играющий в крови.
И я берёг, берёг от чувства сердце,
Его удары ставя под контроль;
Меня не трогали чувствительные скерцо,
Ни радость, ни печаль, ни горе, и не боль.
Я ухажу искать простора –
Иду искать опасностей в борьбе...
Я Вас забыть хотел бы так же скоро,
Как Вы забыли обо мне.

МИХАИЛ СПУРГОТ.

Соперница

Ушла... Забытую перчатку
Оставила, как злой укор.
В ней злостью дышат даже складки
И чёрный кружевной узор.

О, как я долго помнить буду
Твой неожиданный приход,
Твои глаза, как изумруды,
Накрашенный, капризный рот.

И слов твоих поток ажурный
О том, что счастье не отдашь...
И тут же по-актёрски, бурно,
Что «счастье женское – мираж!»

И с неожиданным испугом
Я уловила мысли нить:
Соперница, а не подруга,
И без него... не может жить.

И – всхлип. И слёзы на ресницах.
И глаз растерянных зрачки.
Ушла. Но, может быть, мне снится
Перчатка с маленькой руки?

И он придёт? Но вспыхнет ссора,
И нежность, и любовь умрут...
Как больно встретить в милом взоре
Глаз ненавистных изумруд!

Как больно знать, что мы лишь пешки,
Захваченные злой игрой!
И дышат злобною насмешкой
В глазах твоих – глаза другой...

МЕДИУМ

Летом ко мне в деревню часто приезжали друзья. Мой дом стоял у большого леса, внизу протекала речка Нерль. И вот однажды, когда у меня гостили Фёдор Иванович Шаляпин, художник Валентин Александрович Серов, композитор Корещенко, архитектор Кузнецов, Мазырин как-то обмолвился за вечерним чаем, что он - спирт. Мы все очень заинтересовались.

- Послушайте-ка, Анчутка-то оказывается спирт!

Мазырина прозвище было Анчутка. Ещё с давних пор его прозвали так в школе живописи, ваiania и зодчества, где он проходил курс вместе со мной. Был он небольшого роста, румянький; имел круглые чёрные глазки и, если бы на него надеть платок, то был бы просто вылитая девица.

- И ты веришь, - спросил я его, - что спиритизм, это не ерунда?

- Не только верю, - сказал Анчутка, - но совершенно убеждён. Последние явления на сеансах в Москве, где присутствовали и иностранцы, совершенно убедили меня.

- Что же там происходило? - спросили его.

- Это трудно объяснить, - ответил он. - К тому же вы смеётесь, а смешного здесь мало.

- Ну, что же, что же там было..? - спрашиваем.

- А вот что: когда мы сели за стол и положили руки, то стол постепенно начал двигаться, потом прыгать так, что мы за ним бегали не отнимая рук. А потом стол поднялся на воздух и стучал по полу. И по азбуке выходило «Аделаида». А Аделаидой звали тётку покойной хозяйки дома...

- Аделаида? - сказал Шаляпин. - Это, чёрт его знает, какое-то иностранное имя. Ну и что же?

- А гитара, которая стояла в углу комнаты, далеко, поднялась, полетела по воздуху и надо мной прозвенела «трам-трам-трам»..!

Мы ахали.

- Прямо *пролетела* по воздуху? Без верёвки? И «трам-трам-трам»? Это ловко!

- Ты, значит, медиум? - спросил Шаляпин.

- Я-то не медиум, - сказал Анчутка. - Но там был один из Швейцарии, так тот медиум: у него из рук, когда мы сомкнулись, искры сыпались.

- А вот тут у нас, - говорю я, - в лесу есть курган. Древний курган, должно быть. Весь зарос густым ельником. Высокий. Там ночью огонь показывается. И ходит видение в белом. Много раз видели. Вот сейчас я позову... у меня здесь два приятеля-охотника пришли узнать, поедем ли завтра на охоту; так вот они вам расскажут, какая здесь штука показывается...

Я позвал охотников. Один из них был Павел Груздев, а другой - Герасим Дементьевич Тараканов. Охотники - народ смышлённый. Пошёл я к ним и сказал:

- Вот что, сегодня пойдём к кургану, где огонь показывается. Так вот, Герасим: возьми у меня банку - знаешь, сухой спирт, который я беру на ночь рыбу ловить. Пойдёшь туда по дорожке-то, направо от кургана; да возьми с собой простыню. Когда мы покажемся, ты зажги в кустах спирт, встань перед ним сам, да простыню над собой - вот так - руками высоко подними, да немножко покачайся... А когда я крикну «идёт!» - ты вперёд перед огнём-то и прыгни. Да и брось её, простыню. А потом опять, когда мы подходить будем, стой на месте. И когда Шаляпин к тебе близко подойдёт, ты кинься на него... А ты, Груздев, затуши спирт. Поняли?

Они смеются.

За чаем только и разговоров было, что о кургане.

Герасим говорит:

- Шёл я как-то ночью. Запоздал. А там - огонь горит! Так, мигает. Я сбобел. Обернулся - он ко мне ближе! Я думаю: - «Что такое?» Уж боюсь глядеть. Только меня сзади - ка-а-к схватит! И вот, начало трясти, прямо душу вытрясает. Я говорю: «Господи, да расточатся врази...» Да бегом... Слышу - за мной бежит! Я упал. Смотрю - бежит! Я вскочил опять. Так

насилу-то прибежал вот сюда, к кухне... Ну, *отстало*. Вот сейчас-то я шёл другой дорогой. Боязно по *той* идти...

- Да, верно, - подтверждает Груздев. - Чего ещё... место тут такое. Днём идёшь к кургану за рыжиками - рыжиков там много - так и то страх берёт. Говорят, в старину-то в кургане этом воеводу закопали, а он, знать, колдун был. Так это вот - его штуки...

- Вот интересно! - говорит Анчутка. - Надо сделать цепь, сомкнуться, и *его* вызвать. Это-то и есть подлинная материализация духа...

- Вот какая штука! - говорит Шаляпин. - Вот это вещь! Но что гитара над тобой *пролетела*, и над тобой прозвучала «дзынь-брынь», ты это врёшь.

- Как хотите, - обиделся Анчутка.

- Ну, дай честное слово, - попросил приятель Вася Кузнецов.

- Ну, честное слово...

- В таком случае, - говорю я, - не иначе, что ему *открыто*. У него свойство такое, натура, так сказать. Медиум. И поэтому надо будет идти к кургану сегодня же.

- Это надо в двенадцать часов: в полночь это завсегда больше показывается, - сказал Герасим. У нас в округе знают. Вот тут, в Схотине, так часто видят. Старый барин жил, Полубояров; расту-то вот с вас, Фёдор Иванович; ну и сердитый был. Так он и сейчас там в халате по ночам ходит. Старики-то помнят ещё, когда было право господское. Так вот, идёт Полубояров - старый уж - и, как увидит мужика, подзовёт и спросит: «Ты чего?» Тот говорит: «Ничего, барин». Ну, даст ему Полубояров по морде. И пойдёт. Такой уж нрав был. Нынче-то уж, конечно, этого нет... А то в Хозарева, в овраге дом стоял; он и сейчас ещё, разваленный, остался; там по ночам всегда русалка поёт. Днём-то в реку уходит, а по ночам в доме песни поёт: «*Не ходи ко мне милой, \ Нет крови во мне живой...*».

Приближалось позднее время. Охотники пошли спать. А я рассказал всем, кроме Анчутки, что будет «видение».

В половине двенадцатого ночи мы все сходим с террасы. Темень. Тишина. Большой сосновый и еловый лес темнеет кучами среди мелкого леса. Мы тихо идём дорожкой. Поворачиваем по тропинке в сторону кургана. И вдруг...

- Смотрите, смотрите! - закричал Анчутка.

Среди кустов таинственно, мелькая беглым пламенем, горит сухой спирт в банке, как бы движется синий огонь.

- Сомкнёмся, скорее сомкнёмся! - кричит Анчутка. - Явление чрезвычайное! Это я сейчас же сообщу...

Он заставляет нас соединить руки. В тот же миг перед огнём, как из земли, вырастает высокая, таинственно освещённая фигура. Было действительно фантастично и неожиданно. Шаляпин задумчиво молчал, скрестив руки и опустив голову.

- Идёт! - крикнул я и побежал к дому.

Все бросились за мной. Впереди всех бежал Анчутка. А Шаляпин остался.

Мы вернулись. Фигура светилась. Шаляпин пошёл к ней.

- Не ходите! - кричал Анчутка. - Не ходите! Задушит, непременно задушит!

Шаляпин медленно шёл к видению. И вдруг упал. Упал так, как умеет «падать» Шаляпин. К нему бросился призрак, и всё погасло. Настала тьма.

Анчутка закричал:

- Он погиб !!!

Мы бросились к Шаляпину. Он лежал у дорожки на траве и загадочно молчал. Мы подняли его. Анчутка держал его под руку и волнуясь говорил:

- Успокойся. Успокойся, пожалуйста. Это ничего, успокойся.

- В чём дело? - спросил Шаляпин. - Что ты дрожишь?

- Да ведь как же! Ты же упал... Я испугался.

- Когда упал?! Да ты что, бредишь?

Анчутка испуганно посмотрел на него.

- Ты не волнуйся, Федя, это ничего...

Пришли домой, сели у меня в большой комнате за стол. У Шаляпина на шее темнели два красных пятна. Анчутка отозвал меня в сторону и, блестя испуганными чёрненькими глазами, заговорил:

- Посмотри... Ты видел? *Он* его душил! Хорошо, что мы подбежали вовремя. Я сейчас еду. Я сегодня же к утру всё доложу нашему спиритическому обществу. Мы все сюда приедем.

Как ни уговаривали мы Анчутку остаться, он не мог успокоиться и утром, когда мы спали, уехал в Москву. Через три дня, утром, во всех газетах появилось сообщение: «Видение Шалапина», «Шалапин – медиум». А через несколько дней какой-то ловкий предприниматель выпустил брошюру «Видение Шалапина», и она успешно продавалась во всех книжных магазинах. И вся Москва гудела:

- Слышали, Шалапин-то медиум! Ведь, это что такое: сколько одному отпущено! А я вот, хоть тресни, ничего не видал...

Ловкий предприниматель, автор книжки, потирал руки.

А когда вся история разъяснилась, и его стали осаждать возмущённые читатели, он, пожимая плечами, с лукавой усмешкой говорил:

- Не я выдумал. Мне говорил не кто иной, а тоже медиум - архитектор Мазырин, человек почтенный. Я тут не при чём.

А Мазырин с той поры, если при нём заходила речь о спиритизме, обиженно поднимался и безмолвно удалялся из комнаты.

КОНСТАНТИН КОРОВИН.

Врать не устать, было б кому слушать...

Я вас люблю, старинные монеты,
Осколки прошлого давно минувших лет...
На вас, как памятник, остались портреты
Царей Руси, величья и побед;
На вас орлы двуглавые с короной,
Старинных слов и шрифта образцы;
Вас бедняки держали за иконой,
В подвалах прятали богатые купцы.
В вас тени прошлого сплетаются узором,
На вас глядят минувшие века;
Знакомы вы со счастьем и позором,
На кон вас ставила дрожащая рука...
Бывали вы предметом жарких споров,
Рублём смыкались болтливые уста;
И поднял раз светлейший князь Суворов
Царицын рубль, сменившись с поста.
Лежали вы в чулке у куртизанки,
В кабак носил вас Гатчинский капрал,
За шейку смуглую красавицы-цыганки
Вас опускал шутиливо генерал...
Звенели вы в камзолах и сермягах.
Знакомы вам кибитка и фрегат,
За вас дрались на саблях и на шпагах,
На вас охотился разбойник и пират...
Вы много видели и знаете вы ближе
Сердца людей в интимный жизни час, -
Вы были в Данциге, в Берлине и Париже,
И слава русская ещё горит на вас.
Я вас люблю, старинные монеты,
Осколки прошлого давно минувших лет.
Вы – точно хвост промчавшейся кометы
Тех лучших дней

такой

блестящий след!

В.А. ПЕТРУШЕВСКИЙ.

С
т
а
р
и
н
н
ы
е

М
О
Н
Е
Т
Ы

Старый Ворон

Летом жара в Квинслэнде опрокидывается на землю с утра. Жестокая. Изнуряющая. Ещё на рассвете начинают назойливо трещать цикады, предупреждая всё живое замереть или спрятаться, куда придётся, от блеснувших из-за горы лучей солнца, и скоро звук их невидимых смычков превращается в мерный, звенящий гул. И как бы в ответ цикадам, изредка хохотнёт насмешливо где-то над головой кукабарра, проворкует голубь, или каркнет с высоты эвкалипта, имеющий по любому поводу собственное мнение, большой старый ворон...

Только эвкалипт, да ворон видят, как ранним утром сгорбленный старик в широкополой соломенной шляпе, с пучком полевых цветов в руке, плетётся по узкой, пыльной дороге к старому заброшенному кладбищу; оба теряются в догадках: они знают, что у старика там никого нет, а между тем, он годами так ходит, всегда в определённое время; подойдёт к какой-нибудь могиле, снимет шляпу и тихонько постоит... потом положит цветы и уйдёт.

И это хорошо, что старик уходит, потому что часам к десяти ослепительное солнце, стремясь во что бы то ни стало пробиться сквозь нависшую над землёй сизую хмарь, белеет от ярости и грозит испепелить на земле всё живое. Вот уже оно достало до глубоких трещин в земле; вот уже незаметно подкралось к высохшему овражку, где в былые дни, перепрыгивая через камни, бежал весёлый ручей - один из тех, что австралийцы любят именовать «речкой». В раскалённом воздухе начал носиться запах нагретой травы и отдалённого, неизвестно откуда взявшегося дымка, который сразу придал воздуху, и поднявшемуся солнцу, и жиденьким облачкам, и прозрачно-голубым теням эвкалиптов - какой-то рыжеватый оттенок. Сушь вокруг такая, что, кажется, только поднеси спичку... Однако в траве мирно и едва уловимо посвистывает, потрескивает и точно бисером рассыпается щёлканье кузнечиков; вдали из-за бурого камня осторожно выглянула и сделала два-три прыжка невозмутимая кенгуру; не обращая внимания на мудрые замечания ворона, на соседнем эвкалипте пересмеиваются и ядовито злословят кукабарры. Значит, в природе всё спокойно...

И потому солнце, пользуясь своей безнаказанностью, снова пробежало по дороге, осторожно заглянуло за поворот и, увидав там приютившуюся под раскидистым деревом кособокую, почерневшую от времени лачугу, разом вылило на неё море беспощадного, палящего света. В отместку. За то, что не настигло старика, когда тот возвращался обратно.

Почти одновременно, рядом с домиком качнулась и наклонилась, словно поднимая что-то с земли, знакомая соломенная шляпа. На секунду из-под неё мелькнула хмурая, сутулая спина; но вот шляпа качнулась снова.

- Где им, австралам, знать про это, да и зачем? – послышалось тихое ворчанье. - Сил нет говорить! А цветы - так ведь, земля-то одна: всё же легче, и не так одиноко. - И человек, потирая поясницу, с трудом переставляя непослушные ноги, поднялся на скрипучее крыльцо и скрылся в чёрном проёме двери.

Мало кто из австралийцев сейчас имеет представление, как и откуда пришёл в их местечко Рэдауни одинокий, угрюмый с виду старик. Знают только, что он обитает здесь ещё с незапамятных времён, то есть, с начала 50-х годов, а ведь большинство из них безвыездно живёт здесь, на своих фермах, не то что годами, но целыми поколениями. Вот разве самые древние старожилы... тем, наверное, известно больше. Но молодые не страдают любопытством и ни о чём их не спрашивают. И если бы не Джо, который и вовсе ещё не стар, то знали бы только то, что у странного старика есть не менее странное прозвище: «Ворон». И не больше. Причём не на английский лад - «Кроу», а именно «Ворон». Впрочем, все познания соседей-фермеров в области чего-то «чужого» всегда сводились к тому, что, проходя или проезжая на грузовичке мимо почерневшей лачуги, они, завидев старика издали, приветливо и лукаво кричали: - «Г-дай, Кар-кар!» - что по-фермерски должно было означать «Здравствуй, сосед!» - и ладонь, сжатая в крепкий кулак, с отставленным большим пальцем, красноречиво взлетала в сторону дерева - туда, где на толстом суку задумчиво сидели вороны: - мол, «Ну, ну, молодец, держись, брат!»

Раньше, в очень, очень старое время, в ответ на подобное приветствие из лачуги несло сердитое ворчание. Русское, конечно, поэтому австралийцы не понимали ни слова. Но догадывались. Считали соседа, которому в то время было не более тридцати, странным, нелюдимкой. Впрочем, в 50-е годы они и сами сторонились иностранцев: что греха таить! - очень даже недолгоблвали их, считали, что «чужакам» нельзя доверять. И потому, отдав долг вежливости - «Г-дай!» - и не встречая в подробности ответного «приветствия», спешили прочь.

Приблизительно в то же самое время австралийцы окрестили своего нового соседа «Вороном». Получилось это случайно: они никак не могли выговорить его фамилии, «Воронцов», ломали и коверкали, пока из неё не получился «Ворон». Так он Вороном и остался. Кажется, это был единственный раз, когда австралийцы видели своего соседа смеющимся: тыча пальцем вверх, где на ветке высокого эвкалипта собрались посудачить большие чёрные птицы, он крикнул: - «Ворон: кар-р, кар-р!»

И тут, как нарочно, с ветки сорвалась увесистая ворона и, усевшись неподалёку на перевёрнутую телегу, разразилась громким: «Кар-р-р!»

Раздался взрыв хохота. Сосед-«чужак» в сердцах махнул рукой, дескать: «Ах, чтоб вам..!» - повернулся и ушёл. Язык ли тому причиной, или ещё что, только с тех пор Ворон стал старательно всех избегать.

Время шло. Ворон так и продолжал жить - сам по себе, почти ни с кем не общаясь. Вот разве, кроме самой крайней необходимости. И только соседские мальчишки во главе с Джо, усевшись вдоль проволочного забора, снаружи, могли упорно не сводить с него любопытных глаз. В конце концов их родители-соседи к Ворону тоже привыкли, ведь, по всей справедливости, он никого не беспокоил и никогда ни во что не вмешивался. И если и не полюбили его, то во всяком случае начали уважать. Особенно после одного случая...

В этих краях частенько случались пожары. Не всегда, конечно, начинались они в соседнем посёлке Калбара. Но это не важно. Важно, что огонь неизменно захватывал огромную полосу местных лесов, посевов и пастбищ, где мирно пасся скот, и, конечно же, угрожал поселениям. Бывало так, что горело неделю, и больше; и багровый отсвет с охваченных пожаром склонов и вершин гор, который по вечерам, казалось, поднимался до самого неба, представлял собой жуткое зрелище.

Когда удавалось, австралийцы заранее пускали встречный пал, чтобы хоть как-то оградить себя от стихии. И не было такого случая, чтобы Ворон не вышел на подмогу первым. А потом опять уходил в своё затворничество. Но однажды случилась беда: неожиданный порыв ветра и - огонь перебросился на ближайшие поселения. Большинство фермеров были к этому готовы, эвакуировались. Но нашлась семья, которая ни за что не пожелала покидать своё жилище, решив отстаивать его у огня до последнего. И не в том дело, правы эти люди или нет. В такую минуту поздно об этом судить, особенно, когда в доме застрял двенадцатилетний мальчишка, Джо.

Есть у австралийцев чувство самоотверженности. Всегда было. Но есть в жизни момент, доля секунды, когда нет времени решать «быть или не быть», когда инициативу кто-то должен взять на себя первым. Ворон ворвался в пылающий дом, когда каждый ясно сознавал, что выхода оттуда уже не будет...

Никто не мог понять, каким чудом Ворон спас тогда парня. Но сам обгорел так, что два месяца пролежал в больнице. Думали, не выйдет... После этого случая австралийцы стали относиться к Ворону уже не просто с почтением, но и с примесью искренней дружбы. Можно было бы с уверенностью сказать, что его, «чужака», полюбили, если бы только он сам так старательно не сторонился всех. Однако, труднее всего оказалось избавиться от излишней благодарности со стороны отца мальчугана, которого странный пришелец - этот русский «хиру» - спас от верной смерти. Ворон, отмахиваясь от назойливого австралийца, каждый раз бурчал себе под нос:

- Да какой я вам, к чёрту, «хиру»! - и скрывался в лачуге.

С мальчишкой же оказалось не так просто.

Однажды, когда заходящее солнце золотило почерневшие от недавнего пожара стволы деревьев вдали, Джо, впервые набравшись храбрости, осторожно пролез под колючей проволокой забора и уселся на крыльце Ворона. Это было так неожиданно и дерзко, что в первую минуту Ворон опешил. Но мальчишка не собирался никуда уходить. Сидел и

преспокойно рассматривал изуродованные, в шрамах, лицо и руки соседа-нелюдимки. Некоторое время Ворон угрюмо молчал, сосредоточенно приколачивая что-то к деревянному ящику. Раздражение его закипало, он уже приготовился было заворчать, но тут увидел, что по лицу Джо пробежала тень, губы мальчика дрогнули и на широко раскрытых, безгранично доверчивых глазах навернулись слёзы, точно он вспомнил, как вот этот самый, «чужой», странный человек, вырвал его тогда из пылающего ада... В душе Ворона шевельнулась жалость: - «Бедняга, такого ему никогда не забыть!» - и злости его как не бывало; он молча протянул мальчугану ворох гвоздей, жестом велел «подавать», и продолжал колотить. Когда ящик был готов, он вскинул на парня потеплевшие глаза, но в то же время выразительно и грозно махнул в сторону забора:

- А ну, марш домой!

Джо, словно ветром сдуло.

Но на следующий день, едва мальчуган примчался из школы, он уже снова сидел на крыльце Ворона. Гнать было бесполезно, и Ворон смирился. Давал работу: где-то поднять, где-то подержать, а там и самому что-то смастерить. Как они договаривались, один Бог ведает. Но понимали друг друга. Так терпел Ворон присутствие мальчишки, пока не опустится солнце до средней ветки эвкалипта. А после этого... Впрочем, Джо не дожидался, пока «чужак» метнёт в сторону забора яростный взгляд или, чего доброго, запустит в него чем-нибудь.

Соседские мальчишки! Разве этот народ спрашивает разрешения, когда взбрёт в голову что-либо гениальное или, по-крайней мере, любопытное?! Подходят себе к забору и - стоят, смотрят. Во двор, как это осмелился сделать Джо, конечно, не заходят, не рискуют. Невдомёк было Ворону, что детвора его всего-навсего обожала. Было за что: как бы невзначай, между делом, «чужак» постоянно делал для них игрушки. Так повелось издавна. И всё же это нисколько не мешало шпане дразнить соседа:

- Эй, Ворон, кар-р-р, кар-р-р!

Конечно, Ворон нисколько на них не сердился, и только для острастки бранился, швыряя в них очередной игрушкой. Кто знает, сколько бы так продолжалось, если бы не один случай...

Проезжал как-то мимо лачуги сосед на грузовичке, и опять весело крикнул:

- Г-дай, кар-кар!

По привычке Ворон что-то сердито пробормотал: благо, никто по-русски не понимает! И вдруг попугай - белые, с жёлтым хохолком, то есть, какаду - во всё горло раскричались и точно эхо подхватили удивительно знакомые фразы...

Джо рассмеялся:

- Ворон, что это значит? Что попугайи говорят?

Ворон опешил. С тех пор он подобным образом с соседями не «здоровался»...

За ту неделю, что Джо упорно навещал в гости к Ворону, успел сколотить из досок несколько ящиков, которые легко могли служить соседям-погорельцам столом, или шкафом, да мало ли... И вот теперь они с Джо должны были нести эти ящики по назначению. Именно ОНИ: Ворон уже к пареньку привык настолько, что скучал, если тот запаздывал. Само-собой разумелось, Ворон выбирал ящик полегче и молча протягивал его мальчишке: на, мол, неси! С тех пор у них так и повелось: раз в неделю Джо с гордостью помогал Ворону тащить кому-то из соседей то самодельный «стул», то «кровать» или просто ящик для хранения продуктов, а то и продукты. Деньги, или рабочий материал в счёт платы, Ворон брал - с тех, кто побогаче. И обход начинал обычно с них. Для того, чтобы тут же раздать тем, кто потерял в пожаре всё...

Ворон и раньше помогал некоторым семьям. Вопреки мнению многих, будто в Австралии манна с неба сыплется, фермеры в окрестностях Калбара жили очень и очень скромно. Появлялся он всегда незаметно, оставлял что надо, и так же незаметно исчезал. Если случалось, что его всё-таки кто-то видел, он в сердцах бормотал: «детям», жестом показывая на кого-то из малышей, и сразу уходил. Но теперь, после пожара, едва он вышел из больницы, когда раны ещё толком не зажили, Ворон ещё с большим рвением занялся работой. У большинства фермеров в 50-е годы не было страховок таких, какие существуют сейчас, полвека спустя: потеряв в пожаре имущество, многие оставались буквально ни с чем. Только мало кто догадывался, что сплошь и рядом «чужак», этот «вредный нелю-

димка», отдавал пострадавшим соседям своё последнее. Джо случайно узнал об этом: из единственных двух рубах, которые Ворон вот уже целый год бережно стирал в тазике, сидя на корточках возле жестяного бака с водой, он уже больше месяца носил одну и ту же, причём самую рваную.

Так всю жизнь Ворон никого, кроме Джо, и не признавал. Не потому что с языком у него было слабо. Напротив, ещё до приезда в Австралию «чужак» немного знал английский, даже учебник с собой привёз, вот только произношение было скверное. Соседи часто видели, как он вечерами при слабом свете сидел над пожелтевшей от времени книжкой; иногда писал, а иногда просто глядел куда-то вдаль, - но это уже потом, на старости лет. Во всяком случае, с тех пор как Ворон подружился с двенадцатилетним Джо, он уже довольно прилично говорил по-английски. И если «чужак» сидел как сыч один, - считали в округе, - угрюмый его характер был тому виной...

С тех пор Джо вырос. Как настоящий фермер-«австрал», располнел, живот степенный отрастил. Со временем у него появилась собственная семья. Богатым стал.

Но никакое богатство в мире не мешало Джо ходить в любую погоду в старых шортах, в сильно поношенной майке и мощных ботсах-«чоботах» - таких, что, точно ледокол, проходят через любые дебри, навоз и размокшую глину. Натянув свои массивные чудища с утра, почтенный Джо не снимал их уже до позднего вечера...

Ворона Джо не забыл. Век ему благодарен будет, и не только за спасение: «чужак» научил когда-то его, мальчишку, своему хитроумному ремеслу - сделал его, как говорится, мастером на все руки. И потому, школа для Джо... да Бог с ней, не тем её помянуть...

Как и многие австралийцы, Джо очень любил, просто обожал посидеть вечером на крыльце со своим старым другом и поговорить о былом, вспомнить «что было, чего не было» или, как называли это праведное занятие австралийские фермеры, плести языком «ярны».

Как-то, закончив дневную работу, Джо с кружкой чая в руке вышел на заваленную хламом веранду и, наблюдая за пустынной дорогой, стал ждать, не придёт ли Ворон. Но, как видно, упрямый отшельник не намеревался на старости лет менять свои привычки. Джо не выдержал и сам пошёл к нему: его не волновало, что старик вечно молчит, он не был требовательным, ему - лишь бы самому говорить...

Джо начал с того, что едва не протопал в своих «ледоколах» в почерневшую от времени, совсем уже покосившуюся лачугу. Но чистый половичок и мрачный взгляд Ворона, устремлённый на видавшие виды ботсы, все в глине, остановили его у порога: «пора бы, дескать, научиться!» Старик до истерики не переносил грязи...

Однако, стаскивать обувь не хотелось: всё равно им на дворе сидеть.

Джо добродушно подвесил над маленьким костром жестянку с водой. Как только в жестянке забурлило и повалил пар, он, по традиции первых австралийских переселенцев, бросил туда добрую горсть чайных листьев - прямо в общий кипяток! С едва заметной усмешкой Ворон молча наблюдал. Но простодушному Джо хотелось хоть чем-то развеселить старика...

- А дальше пойдёт, - мирно приговаривал он, - настоящее действо, - с этими словами он взял немало повидавшие на своём веку две бурые кружки с трещинами и сначала плеснул в обе немного молока: - это так, «чтобы рыжих не было!» - пояснил он, - то есть, «детей... рыжих».

Вдруг Джо крикнул: и как это у него могло такое сорваться с языка! Всего-навсего известная австралийская шутка, но Ворон мог подобного рода «предосторожность» плохо принять... потому как, чего-чего, а уж детей-то у «чужака» нет, не было и не будет. Невольно втянув голову в плечи, бедный «австрал» взял жестянку с заваренным чаем и нацелил ароматную горячую струю в чашку с молоком - не разбавляя, аккуратненько эдак, чтобы не попали чайные листья. И тут же с облегчением вздохнул: «Чай получился что надо: такой крепкий, что ложка *стоит*...»

- Да уж какие там, «рыжие»! - неожиданно отозвался Ворон, пряча лицо в огрубевших от работы ладонях, и через минуту добавил с горечью: - Один я! Один, как перст!

Джо насторожился. За все годы старик никогда никому не говорил о себе, о своём прошлом; не говорил даже, откуда приехал. При малейшем любопытстве людей у него

темнело лицо, и он уходил, и потом не появлялся несколько дней. Нет, никогда Джо не спросит старика о чём-либо - даже у него, простого фермера, имеется врождённый такт.

- А ведь, была у меня семья! - снова почти что простонал Ворон, взъерошив пальцами рыжевато-белёдые, точно кора эвкалипта, волосы, - Боже мой! Всё, всё было...

Так суждено было его австралийскому другу взглянуть в этот вечер на одну из страниц одинокой жизни «чужака».

Во-первых, он - Воронцов, а никакой не «Ворон»: Димитрий Иванович Воронцов. Дворянин, инженер по образованию. Когда-то в молодости учился на священника, но потом - перелом в жизни, и он решил стать инженером. Вот так-то... Хотя всю жизнь оставался глубоко верующим. Из Китая приехал, со станции Яблоня. Что? Почему он не «раскосый», не «жёлтый», как все китайцы? А что, потеряв после революции родину, русские не могут жить, где им вздумается?! Или, попав, скажем, в Африку, люди должны сразу почернеть?! Кажется, он, Ворон, окончательно потеряет к своему приятелю уважение...

Неожиданно старик замолк, словно был не в силах произнести самое горькое. Но скоро, усилием воли, взял себя в руки. И тогда Джо узнал, что, когда на посёлок, - где жила семья Ворона, - напали хунхузы, китайские разбойники, то есть, то его, Ворона, не было дома... От руки злодеев погибли его жена и двое маленьких детей. И он, Ворон, был так потрясён, увидев своих ненаглядных малышей и жену зверски растерзанными, что едва не сошёл с ума. Больше года не мог прийти в себя. Потом решил бежать - бежать как можно дальше от страшных воспоминаний! Он уехал в Австралию. Вот так он - весёлый, общительный человек - превратился в сварливого отшельника-нелюдимку.

Впрочем, не совсем...

- Это ты, Джо, помешал мне когда-то «сойти на нет», - поднял Ворон мокрое от слёз лицо. - Прилип, прирос ко мне...

Джо сидел, не шелохнувшись. Когда плачет его почтенная «миссус», как фермеры называют своих жён, он, Джо, очень хорошо знает, чем её утешить: чашка горячего чаю из его рук и долларов двадцать на предстоящей сельской ярмарке обычно решают все её проблемы. Но слёзы мужчины, да ещё старика... эти вздрагивающие острые лопатки на костлявой, как у старой лошади, спине, - это серьёзно, даже страшно, он к такому не привык. Лучше уж молчать, чем сказать что-нибудь невпопад.

Прошло месяца два после того памятного вечера. И вдруг Джо заметил, что-то неладное начало твориться с Вороном: заклятый холостяк в лачуге тщательно прибирает, вещицы свои скудные соседям раздаёт, а потом часами под любимым эвкалиптом просиживает и в пустоту глядит. А какая от эвкалипта тень? Ровным счётом никакой. А солнце-то палит. В душе Джо шевельнулась тревога: лет «чужаку», поди, уже за восемьдесят...

- Зачем тоскуешь, старый..?

- А что? Жизнь начинается, жизнь кончается...

Теперь уже Ворон откровенно говорил о «печальном». И так просто, обыденно. Но самый факт, что молчаливый «чужак» заговорил, пугал и угнетал Джо.

Между тем, как-то Ворон сказал, что решил завещать своё состояние на Каушев, - албанцев, кажется, - которые год назад невесть откуда приехали в Рэсдауни. Вернее - на их сынишку, Бронка. Небольшое, конечно, состояние.

- Когда-то я арендовал у твоего родителя крохотный участок земли, в обмен за труд; потом подкупил денег и выплатил его; огородик развёл, курочек, в лавке не тратил - обходился. Так-то...

- Пропьют же... цыгане! - ахнул Джо. - И парню ничего не достанется!

- Да уж, семейка! - покрутил носом Ворон. - Но Бронек... Всё же Кауши сынишку не обидят! А может, лучше теперь им отдать? Пусть мальчишку на ноги поставят. Об одном только попрошу их: пусть похоронят меня по русскому обычаю - вот, под этим эвкалиптом - и только изредка приходят на могилу немного прибраться.

После этого разговора «чужак» опять месяца два-три молчал. Но это уже было нормально, и Джо перестал тревожиться. Как и прежде, на закате, они посиживали на крыльчке и «плели ярны», лясы точили, то есть.

Заходящее солнце золотило белёсо-серые стволы и кроны эвкалиптов, несущихся вдали, в клубах пыли коней, собак, и бесконечное море бурых спин коров - это фермеры загоняли в конце дня молочный скот в родные пенаты. Щёлканье бича, трубно-густое мычание коров, лай собак, топот конских копыт, и даже самый воздух - все это сливалось и казалось рыжевато-серым.

По мере того, как опускалось солнце, всё больше тянуло прохладой. Потемневшие стволы эвкалиптов уже только изредка вспыхивали последними огненно-яркими бликами, точно кто-то спичкой по ним чиркал, и, вместе с синеющим лесом и горами на горизонте, погружались и растворялись в голубовато-серой сонной дымке.

Топот коней и лай послышался где-то недалеко от лачуги Ворона: это несколько незадачливых коров увильнули от пастухов, приотстали от стада на дороге и подошли к изгороди, то есть, к редким столбикам, с длинной, натянутой в два-три ряда, колючей проволокой. Толкаясь, коровы просунули головы под проволоку и задумчиво уставились на людей во дворе.

Старческой походкой, неспеша, Ворон направился к изгороди.

- Хороший вы народ, коровы! - проговорил он вполголоса, протягивая на ладони ломоть хлеба и норовя погладить тёплую бурую голову.

Шершавый мокрый язык прошёлся по ладони, хлеб упал в пахнущую солнцем траву, по другую сторону изгороди. Ворон наклонился его поднять, вытянул вперёд руку и, навалившись на проволоку, невольно подался вперёд. Корова испуганно шарахнулась в сторону, за ней - другая, третья. Почти одновременно раздался крик Джо, лай собак, и где-то над головой заржал вставший на дыбы конь.

Удар пришёлся в висок.

Разве можно удивляться, что Кауши не захотели хоронить Ворона, как он просил, «почеловечески»?

Узнав, что цыгане решили тело сжечь, - за счёт наследства, конечно: так дешевле, мол! - Джо страшно возмутился:

- Мне лично, всё равно, как хоронить. Но сжигать - против религии старика! И потому - его, русский Бог, вас накажет!

В общем, сжигать Ворона Джо не позволил. В отместку за это, Кауши, несмотря на завещание, не пожелали хоронить старика на участке под его любимым деревом, чтобы не «жить рядом с привидением». Похоронщикам пришлось свезти тело на кладбище.

- По-английски ни бум-бум! Только и знали, что «сенькать» за бесконечные подарки! - выходил из себя Джо, кидая яростные взгляды в сторону наследников. - А теперь, когда всё им отдал...

Джо отыскал русского священника и сам, на свои деньги, сделал всё честь по чести. Через некоторое время поставил «чужаку» памятник.

Из местных жителей теперь мало, кто помнит, что с незапамятных пор в этих местах жил добрый, но странный нелюдимка по кличке «Ворон», который всю свою жизнь помогал незадачливым фермерам в округе. Тем более, не помнят, что он был русским. И только, когда случайный проезжий заглянет на сельское кладбище и, прочитав на памятнике необычную фамилию «Vorontsoff», спросит об этом кого-то из местных, те в недоумении почешут голову:

- Да кажется был такой, «чужак», что ли... или как его там..? - и разойдутся.

А Кауши... Какое уж там, за могилой «ухаживать»! Нерадивые, они даже за подаренным участком не следят. Поговаривали, что надо лачугу снести, но и до этого у них руки не доходят. Так и стоит она до сих пор у забора возле самой дороги - кособокая, почерневшая.

Джо сам на могилу к Ворону ходит, заботливо следит за ней, прибирает.

Время от времени большой старый ворон с высоты эвкалипта видит, как его крепкая, коренастая фигура в бутах-«ледоколах» топает ранним утром вдоль пыльной дороги... в сторону старого кладбища..

За неблагодарных
Бог благодарит.

Т.Н. МАЛЕЕВСКАЯ (ПОПКОВА).
Из сборника «Душенька», Брисбен 2006 г.

О кремации - с православной точки зрения.

Для православного христианина тело имеет весьма важное значение: в своём теле мы призываемся прославлять Бога. Хотя душа является главным в нашей духовной жизни, но именно тело, через освящение, может послужить орудием для возвышения души.

В крестильной купели тело омывается от греха и миропомазанием утверждается в теле благодать Святого Духа. Христианин приобщается Святым Телом и Кровью Господа нашего Иисуса Христа во исцеление души и ТЕЛА. Своим телом верующий стоит и творит поклоны на домашней и храмовой молитве. Своим телом христианин постится.

Итак, в течение жизни человека его тело освящается и становится храмом Св. Духа – *«тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа, Которого имеете вы от Бога, и вы не свои»* (I Кор. VI, 19). Когда земная жизнь человека прекращается, и совершается переход в иной мир, то тело человека предаётся земле. Христианское погребение совершается по образу погребения Самого Господа Иисуса Христа – *«во гробе нове закрыв положи»* (эти слова повторяются тайно за каждой Литургией). С первых дней своего существования Св. Церковь неизменно сохраняла обычай погребать тела умерших христиан в земле. А обычай в Церкви имеет то же значение, что и закон, если только за ним были оправданные Церковью основания и если он освящён своим долгим существованием (см. 87 правило Св. Василия Великого). Весь чин православного отпевания построен на погребении умершего христианина в земле – *«земнии убо от земли создахомся, и в землю туюжде пойдём»*. В последовании отпевания прямо указано: *«И тако взявши мощи (т.е., тело) отходим ко гробу... и полагаются мощи во гроб... священник взем персть лопатью, крестовидно мещет верхи мощей...»*

Нам также известно, что иногда останки угодников Божиих сохраняются нетленными и источают миро. Бог, желая прославить Своих чад, посылает нам такого рода знамения, чтобы мы вдохновлялись их подвигами и славили Господа. Погребая тела усопших. Св. Церковь предоставляет воле Божией предать их тлению или же прославить их в нетлении.

За последние десятилетия на Западе появился нехристианский обычай сжигать тела умерших (так называемая кремация). На Востоке этот обычай практикуется индусами, верующими в перевоплощение. Современному человеку, не имеющему истинно-христианского мировоззрения, смерть часто представляется концом бытия, безвыходным тупиком, пустотой, и кремация тела вполне соответствует такому взгляду – *«всё кончено, ничего не нужно, надо сжечь не только останки тела, но и вообще уничтожить самую мысль о смерти»*.

Как жалко и скорбно слышать такие размышления и быть свидетелем такого языческого явления. Но христианская вера – светлая, радостная, и православный христианин должен умирать с надеждой на воскресение и жизнь вечную. И когда православный христианин желает, чтобы его тело – «храм Св. Духа» - неестественно уничтожали сжиганием, когда православный христианин не желает быть предан земле, как указывает нам Св. Церковь, тогда этот человек показывает своё самочиние: он сам отвергает учение Св. Церкви и сам не желает христианского погребения. Если для него вопросы практического характера (некоторые хотят быть сожжёнными, потому что считают, что это дешевле стоит, чем покупка гроба и могилы) выше молитвы и обычая церковного, то это показывает насколько он не дорожит своей верой.

Когда православный христианин, вопреки материнским увещаниям и зовам Св. Церкви, сам отвергает христианскую форму погребения, тогда Св. Церковь, несмотря на все зовы близких, не может его насильственно по-православному отпеть.

Дорогие православные христиане, не поддавайтесь этому соблазну, - относитесь к этому вопросу серьёзно и сознательно. Если у вас есть знакомые, которые завещали быть сожжёнными, то увещайте их на православный путь. Всемилостивый и Вселюбящий Господь да укрепит нас в твёрдом и непоколебимом стоянии в вере и да защитит нас от лукавства мира сего.

Надо быть паинькой...

В мужской каюте транспортного судна, перевозившего Ди-Пи в Америку в конце сороковых годов, было сонное царство. Усыпляюще жужжали вентиляторы под потолком, на койках разговаривали шёпотом, уютно позёвывая, кое-кто похрапывал. Над дверью тускло горела синяя лампочка, еле рассеивая темноту. Где-то внизу глухо стучали машины, лихорадочно бились винты. Весь пароход дрожал и трещал; казалось, вот-вот рассыпется. Качало.

Борис Львович Лавров занимал одну из нижних коек в дальнем углу спальни. Это был человек уже не первой молодости, с усталым лицом и припухшими глазами. Вместе с ним спал его пятилетний сынишка Петя. Лавров уже засыпал, когда мальчик вылез из-под одеяла и принялся раскачивать койку.

- Петя... Что ты выделываешь? – сонно пробормотал отец. – Ложись и спи!

- Не хочу спать... хочу кацаться.

- Петя, веди себя прилично. Если будешь паинькой, я тебе подарю мячик.

Шалун подумал немного и заревел.

- Не хочу быть паинькой. И мячика не хочу... бэ... бэ...

Спящий на соседней койке лохматый дядька поднял голову и молча пригрозил Петьке, а может быть его отцу, кулаком.

- Ах ты, прохвост этакий, опять скулишь! – окончательно проснулся Лавров и втянул сына под одеяло. – Людей будишь... Спи сию минуту!

Со страху Петя притих и даже перестал хныкать.

- Наказание Господне с этим балбесом! - сказал Лавров извиняющимся голосом, обращаясь к лохматому соседу. - То ему одно, то другое, спать не даёт! Одно мучение...

- А почему мальчик с вами? Где его мама? – спросил сосед.

- Жена нездорова. Я хотел, чтобы бедняжка отдохнула от шалуна. А я-то, знаете, уже не молод: мне уже под шестьдесят, - вздохнул Лавров.

- Папа, - послышался глухой голос из-под одеяла, - я хочу к маме!

- Нельзя, детка, к маме: сейчас ночь и все спят; мама тоже спит. Завтра пойдём к ней.

- Я сейчас хочу к маме, - заявил карапуз капризным голосом, вылезая наружу.

- А в ухо хочешь?

- Бэ... бэ... – разревелся малыш.

Лежащий на верхней койке толстяк перестал храпеть и сердито проворчал:

- Да заберите его к маме или к самому чёрту, только не будите людей ночью!

- Ладно, пойдём сейчас к маме, - обозлился Лавров. - Думаете, что он хочет на самом деле к маме?! Нет. ему лишь бы покапризничать. Одевайся, балбес! К маме так к маме...

Он сорвал с сына одеяло и стал его одевать, тормоша, путаясь в частях одежды, впопыхах натягивая ему рубашку на ноги, а штанишки на голову. Когда он, наконец, кое-как одел Петьку, тот опять заартачился:

- Я уже не хочу к маме. Хочу есть... Где мой апельсин?

- Что это за новости! То хочешь к маме идти, то ему апельсин подавай... Нет у меня апельсина. Хочешь печенья?

- Не хочу печенья... хочу апельсин... бэ... бэ...

- Тсс... не кричи, Петенька! Перебудишь всех на пароходе.

- А поцему мы на пароходе?

- Потому что плывём в Америку.

- А поцему мы плывём в А...америку?

- Потому что так надо.

- А поцему так надо?

- Петька, не раздражай меня глупыми вопросами. Ложись и спи!

Подумав немного, мальчуган опять разревелся:

- Я... я... хочу пить! Бэ... бэ...

- Ну, откуда я тебе, подлецу, возьму пить! Ночь, все люди спят, а ему, видите ли, пить вдруг захотелось.

- Дай ми съвенты спокуй, холера ясна! – прорвало какого-то поляка.

Пассажиры в каюте стали просыпаться и беспокойно ворочаться на своих койках.

Матрац верхней койки хлопнул Лаврова по макушке: это подскочил толстяк наверху, по-видимому, потеряв терпение.

- А чтоб вас!.. У меня тут есть немного чаю, - сказал он, протягивая Лаврову термос. – Пусть малыш напьётся и успокоится.

- Большое вам спасибо. Петька, вот тебе чаёк; пей и не ори! – сказал обрадованный отец, наливая чай в пластмассовый стаканчик. – Ну, пей же, дуралей!

- Петька понюхал чай и заревел ещё пуще.

- Не хочу... бэ... бэ...

Расплёскивая от волнения жидкость, Борис Львович поднёс стаканчик к своим губам, выпил до дна, затем завинтил термос и, поблагодарив, отдал его толстяку.

- Петя, ну что ты меня мучаешь? – с укором обратился он к сыну. – Когда ты, наконец, перестанешь капризничать?

А тот, вздохмаченный и торжествующий, сидел на постели и похныкивал, по-видимому придумывая, что бы тут ещё выкинуть. Лавров уже не сердился, не приказывал, не настаивал, а сложа руки как в молитве, слёзно умолял маленького тирана не шалить и вести себя тихо.

- Петя, Петенька, пожалуйста, не ори. Не хныкай, мой мальчик, не срами меня. Вот я, твой бедный старый папа, прошу тебя чуть не на коленях... Пожалей меня, успокойся! Хватит мучать меня. Хватит. Завтра же будешь опять спать с мамой... Ты же большой, ты умный. Сам должен понимать, что надо смириться и не плакать. Надо быть паинькой. Надо быть паинькой...

Получив извещение из старческого дома об освободившейся там койке, Пётр Борисович решил дипломатично подготовить отца к ожидающему его сюрпризу.

- Папа, - сказал он, пряча глаза. – Тебе необходимо поехать к врачу на исследование.

Борис Львович посмотрел на сына отсутствующими глазами.

- А кто ты такой? – спросил он удивлённо. – Как тебя зовут?

- Папа! Как ты можешь? – обиделся тот. – Я ведь Петя... твой сын... Неужели ты забыл? Старик растерянно потёр себе лоб.

- Ах, да... Петя... А как же тогда меня зовут?

- Ты - Борис Львович Лавров, мой отец. Тебе восемьдесят семь лет, и вчера ты опять свалился со стула. Ты должен на несколько дней лечь в больницу для проверки здоровья.

Лавров пожевал губами и прошамкал сердито:

- Дудки! Никуда я не поеду. Вижу, ты что-то неладное замышляешь. А ещё сын называешься! - Затем, постукав палкой и отдышавшись, спросил: - А когда же нам ехать?

- Завтра в полдень, - ответил сын обрадованно.

Пётр Борисович не был женат и жил в небольшом собственном доме под Нью-Йорком вместе со своим отцом. Вначале никаких хлопот с ним не было, - старик долго крепился, пытался казаться бодрым. Но после смерти жены стал заговариваться, всё забывать, путать. Свою незавидную стариковскую жизнь он влачил, сидя целыми днями у себя в комнатке, считая пуговицы, карандашики, перебирая старые письма, вырезки из газет, открытки с видами и обрывки каких-то бумажек. Ещё недавно – всего два года назад – он ходил один на недалёкие прогулки, просиживал часами в парке, кормил голубей. Но однажды он упал на улице и не мог подняться без посторонней помощи. Какие-то сердобольные прохожие позвонили в участок, и старика привезли домой в полицейской машине. После этого случая Петру Борисовичу пришлось запира́ть отца дома. Однако оставлять его одного без присмотра тоже стало опасно: то он отвернёт газовый кран в кухне и забудет зажечь газ, то поставит пустой чайник на огонь или оставит открытым водопроводный кран в ванной. А то, бывает, полезет за чем-нибудь в шкаф, станет на стул, потеряет равновесие и грохается на пол. Сам встать не может, и лежит так, пока не придёт сын. Счастье, что ничего себе не ломал, крепкие были у него кости; зато в голове кое-какие гайки уже развинтились. Врач определил у Бориса Львовича старческий склероз и посоветовал поместить его в больницу для стариков – «нэрсинг хоум».

Легко сказать - «в больницу»! Пётр знал, что отец ни за что не согласится покинуть свою насиженную кушетку, пуговицы, карандашики, любимые бумажки, и будет болезненно

переживать перемены в привычном укладе жизни. Однако, присматривать за ним дома было некому, а нанимать частную сиделку сыну было не по карману.

Однажды Пётр смотрел фильм, показывавший, как китайцы в Гонконге отвозят своих престарелых родителей в пещеру за городом и оставляют их там без еды и воды, пока те не покинут земную юдоль. В ожидании этого события их дети пируют и веселятся перед пещерой. «Разве современный «нэрсинг хоум» - не такая же пещера для умирающих стариков? - думал Пётр. - Только эта пещера цивилизованная, благоустроенная, и обеспечивает пациентам медицинский уход и правильный режим питания... Там – искусственно охлаждается воздух, есть телевизор, который никто не смотрит; на столах – книги и газеты, которые никто не читает; в залах устраивают лекции и киносеансы, которые никого не интересуют... Может быть, продлевать безотрадную жизнь больных стариков равно жестоко, как оставлять их без воды и пищи? Но другого решения вопроса о престарелых цивилизация пока не нашла». Скрепя сердце, Пётр Борисович записал отца на очередь в русский старческий дом. И вот пришёл ответ: есть свободное место.

На следующий день, рано утром, Пётр разбудил отца и объявил, что ему надо собираться «к врачу». Старик стал ворчать и артачиться, - он страдал бессонницей, засыпал поздно, и любил утром поспать. А тут - срывайся с постели ни свет. ни заря и отправляйся неизвестно куда... неизвестно зачем...

- Что это за новости? Никуда я не поеду, - захохотал он.

- Папа, миленький, это для твоего же добра. Надо проверить состояние твоего здоровья, - упрашивал старика Пётр Борисович. – Вот тебе свежее-выглаженный костюм; вот – чистая рубашка... погоди, я помогу тебе одеться. Да и побриться тебе надо...

Нервничая и поглядывая на часы, Пётр стал брить отца, одевать его, впопыхах путая части одежды и застёгивая не на те пуговицы.

- Разве это мой костюм? – усомнился старик, надевая пиджак. – Висит на мне, как балдахон...

- Твой, папа, твой. Только ты уже вырос из него, то есть, наоборот – похудел. Да поторопись же, пожалуйста! Уже часа два возжусь с тобой, - нам скоро ехать, а ты ещё не завтракал...

- Ехать? Куда это ехать? – Борис Львович уставился на сына непонимающим взглядом.

- Сказал же тебе русским языком – к врачу.

- Зачем к врачу?

- Так надо.

- А почему «надо»?

- Папа, не приставай с бестолковыми вопросами! Надо, значит – надо. Кто третьего дня хлопнулся на пол – так, что весь дом затрясся? Может быть, ты себе что-нибудь повредил... Будь паинькой, поторопись: нужно ещё галстук повязать.

- А как его надевать? – недоумевал Борис Львович, тщетно пытаясь повязать себе на шею галстук.

- Дай мне. Я сам... А то будешь возиться с ним до второго пришествия.

- Отстань! Должен же я научиться надевать его без твоей помощи. Фу ты, чёрт, опять развязался!

- Папа, сейчас не время учиться. Там - куда мы едем - у тебя для этого будет времени больше чем достаточно...

- Убирайся вон, паценок! Не надо мне твоей помощи, - рассердился старик. – Никуда я не поеду. Даже слышать не хочу о врачах.

В сердцах он сорвал с шеи галстук; стал стягивать с себя пиджак. Пётр опустил перед отцом на колени и стал гладить его дряблые щёки.

- Папа, милый! Не упрямясь! Смотри – я, твой сын Петя, прошу тебя, умоляю... Одевайся, не артачься. Тебе надо ехать к врачу, и точка. Что подделаешь? Такая уж судьба. Поверь, мне самому больно расставаться с тобой. Но ведь, не в пещеру же какую-нибудь я везу тебя... а в современную больницу – с телевизором, со всеми удобствами. Тебе там будет хорошо. Надо быть паинькой и смириться. Надо быть паинькой...

Виктор Скорняков.

Дедушка и не ведает, где внучек обедает.

РУССКИЙ ОСТРОВ НА ЧУЖБИНЕ

У Врат Златых в туманном граде
Есть очень необычный дом,
Хотя на вид он и обычный –
Таких немало в граде том...

Обычны крыша в нем и стены,
Окрашен он в обычный цвет,
Четыре этажа - обычные,
А все ж как он – второго нет.

И спросишь ты в недоумении:
«Так что ж диковинного в нем,
Что не найти такого боле
Нигде в туманном граде сем?»

Се – «русский остров» в океане
Средь бесконечных, чуждых волн;
В сем хладном городе – нерусском –
Он сердцу близким, русским, полн.

Когда назад полвека боле
России черный год настал,
И Ленин с кликой антирусской
Святыни русские попрал,

И палачей в России свора
Кровь Царственную пролила, -
В слезах Россию утопила,
И русской кровью залила.

И сонм врагов Руси великой
Повсюду в мире ликовал,
Когда Российской Державу,
Глумясь, с карты он изъял,

И многие когда в ту пору –
России верные сыны –
Ушли с родной земли поспранной,
Заветам родины верны,

И, не признав безбожной власти
Губителей Руси Святой,
Ее заветы в сердце русском,
Лелея, унесли с собой, -

ТОГДА Руси сыны и дщери
И в этот дальний град пришли,
В нем «русский дом» сей основали
И «Русским Центром» нарекли...

Тому уже почти полвека.
А нелегко ведь было им –
Мужам и женам сим российским.
Но, тягой к русскости движим,

Посильную нес каждый лепту;
И множество любви, труда,
В свой «русский дом» они вложили
Еще в те давние года...

Но время шло. И вот над миром
Грозою вновь прошла война.
И русских – в город сей туманный -
Влилася новая волна.

Но, в океан попав им чуждый,
Они в нем «остров свой» нашли
И старожилам на подмогу
В работе русской их пришли.

И хоть и крохотный сей «остров».
Но все же самый он большой
Средь прочих русских островочков
Раскинутых в земле чужой.

Войдя в сей дом, и зал, увидишь,
Душе что нашей близок так:
Орёл российский там двуглавый,
И наш родной трехцветный флаг...

Сей зал – просторный, и красивый,
В нем есть и сцена, и балкон,
И многим белым русским нуждам
Здесь на чужбине служит он.

Бывают здесь балы, концерты,
Бывают оперы порой,
Доклады, пьесы, оперетки,
И пляски стороны родной;

Бывают разные собранья,
Поют здесь русские хоры,
Бывают здесь приемы, свадьбы,
И новогодние пиры;

Но в нем бывают и молебны,
Бывают «Русской Скорби» дни, -
Непримиримостью пылают
К врагам Святой Руси они;

Еще бывает ежегодно
«День Русского Ребенка» в нем -
Малюткам бедным, русским, помощь
Мы из чужбины всюду шлем;

Бывают детские здесь ЕЛКИ,
Бывает школьный «Белый бал»,
И, вообще, сплошь русской жизнью
Кипит так бурно этот зал;

Однако все, что здесь бывает,
Мне никогда не перечить:
Ведь, кроме зала, в этом доме
Еще другого много есть...

Музей находится там русский,
В нем – русской правды свет горит,
И то, что зрим в его стенах мы,
Так много сердцу говорит;

А кроме зала, что со сценой,
Есть в доме зал еще другой:
Спортивным развлеченьем служит
Он нашей смене молодой;

В нем для гимнастики снаряды,
Сражаются в нем в баскетбол,
А также в нем порой играют
В пинг-понг, футбол и волейбол;

Как чудно было б молодежи
Встречаться чаще в зале сем!
Пока ж, увя, из нашей смены
Немногие бывают в нем...

Но... что еще есть в нашем доме?
В течение уж многих лет -
Наш славный вестник русской жизни
В его стенах выходит в свет;

В нем – русская библиотека;
И множество еще хором
Для русских нужд, в земле нерусской,
В себе вмещает этот дом.

И хоть сей дом и нужен русским,
И, я б сказал, необходим,
Но, к сожаленью, мало нынче
Интересуемся мы им...

Так мало, что уже порою
Под Новый Год и на балах –
Все меньше русских, чем нерусских,
Встречаем мы в его стенах!

А русских здесь, ведь, много тысяч,
Но только сотни две из них
Поддерживают «дом» свой русский...
И между ними лиц таких,

Что на сей «русский дом» трудятся,
По пальцам можно перечить:
Вот – дамский комитет, к примеру,
При этом «русском доме» есть;

Немного дам в нем, но трудятся
Они премного на балах, -
В буфетах, в кухне, в лотереях,
Под Новый Год, на вечерах, -

Рука их чувствуется всюду.
И про сей дом могу сказать:
Без помощи их бескорыстной
Не мог бы он существовать.

А уж они не молодые -
И не по силам им сей труд,
Но все ж нелегкое то бремя
Они несут, несут, несут...

Так помогите ж вы, молодые,
Им исполнять сей важный долг,
Пока родной наш русский говор
Еще в стенах сих не умолк!

Младые есть мужи в сем доме,
Что на чужбине взращены,
Но все ж отчизны нашей дальней
Они в душе своей СЫНЫ.

И к тем они зывают русским,
Что от родной земли вдали
Свою не потеряли русскость,
Чтоб им в работе помогли...

Так помоги ж ты, белый-русский,
Им дело русское вершить,
Ты помоги им дух наш русский
В сем «русском доме» сохранить!

А русский дух ведь в нас был крепок,
И чувства русские сильны,
Но разжились в чужом краю мы,
И притупились уж они...

Но ты не думай, белый-русский,
Не строй себе иллюзий в том,
Что, не трудясь, своей ты смене
Оставить сможешь этот дом,

И что без твоего раденья
Само останется все так: -
Орел двуглавый в «Русском Центре»
И бело-сине-красный флаг...

Полярная осень. Сентябрь. Приокеанская тундра опустела, затаившись в ожидании белого безмолвия долгой полярной зимы. Вода в горловине узкой прозрачной речушки, стремительно впадающей в Великий океан, бурлила и клокотала, как будто ее втягивала и поглощала прожорливая пасть Харибды. У входа в устье ревущего пресноводного потока, в глубине спокойного океанского залива неторопливо скользили тени нескольких десятков крупных серебристых рыб. Это была королевская сёмга.

Великий инстинкт продолжения рода призывал рыб в места, где они несколько лет назад получили жизнь и скатились в океан крепнуть и матереть. Они смутно помнили это место, лишь могучий инстинкт подсказывал, что они вернулись точно в те воды, которые покинули когда-то.

В то время они были мальками, семи-десяти сантиметров длиной, им было несколько недель жизни. Вдруг им стало жутко и неуютно в спокойной, прозрачной, глубоководной покаяме реки. словно повинясь некому кличу, как бы призыву свыше, косяк, скорее косячок, из нескольких сотен мальков, беспокойно закружился на месте и вдруг устремился вниз по течению бурной речушки. На пути в неведомое мальков крутило в водоворотах, бросало в водопады, било об острые камни перекатов, погружало в омуты покаям. Здесь, в покаямах, к ним присоединялись новые сотни растерянных мальков, ищущих уверенности: шёл великий исход в океан, в неизвестность, и мальки покорно подчинялись инстинкту.

Река покрывалась льдом. Появились забереги. Тонкие хрупкие стёкла льда пытались усмирить буйства неистовой речушки, в местах, где она забывала вдруг проявить свой нор. Всё чаще полярный холод одерживал победу. Покаямы покрывались прозрачным ледком, и тотчас же заносились порошей снега. Лишь шум перекатов, да водопадов впереди призывал и сопровождал густеющий косяк мальков вниз по реке.

Внезапно грохот реки исчез: мальков вынесло в глубины Великого океана. На мгновение рыбок оглушило безмолвием, солёностью воды, громадностью безбрежной стихии, враждебной средой окружающих их хищных рыб. И косяк рыбок ошетинился. Это уже были не отдельные беззащитные мальки, а некое единое крупное, огромное, почти агрессивное существо, внушающее страх и уважение. И прожорливое окружение отступило. Началась морская жизнь рыбьего племени.

Прошло четыре года. Великий инстинкт продолжения рода вновь вернул когда-то беззащитных мальков к устью шумной речушки – к месту их исхода, месту рождения. Но теперь это были не беспомощные растерянные мальки, а красивые крупные серебристые рыбыны, более полуметра длиной и около четырёх килограммов весом. Среди них плавно скользило и несколько более крупных рыб. Они уже не в первый раз за свою жизнь приходили к устью этой реки производить новое потомство. Некоторые - достигали метра в длину. А один из них - лох, самец – достигал полутора метров длины, и был более тридцати килограммов весом. «Клыкч», - почтительно обращались к нему остальные рыбыны.

Клыкч действительно заслуживал уважения. Самец не сутился, как другие рыбыны, моложе его. Он почти неподвижно висел в глубине залива, головой по направлению к устью речушки. Легкими движениями могучего хвоста он удерживал свое литое тело на месте. По внешнему виду самца было видно, что рыба побывала не в одной передрыге. В нескольких местах тело рыбыны пересекали тонкие нитевидные полосы - следы капроновых сетей. Каким-то чудом самцу удалось вырваться из смертельных объятий капроновой ловушки. В хвостовом оперении рыбыны торчал большой, размером с кулак, трехпалый крючок, и на нём - миллиметра два лески. Спинной плавник, почти посередине, был разорван либо рыболовным крюком, либо багром, от которого Клыкч удачно увернулся. Загубье с левой стороны морды лоха было разорвано, да так и не заросло. По всему телу огромной красивой рыбыны там и сям были видны старые шрамы. Все это были следы

удачного исхода от встреч с людьми. В неподвижных зрачках сёмги светился ум, - да, да, глаза рыбы излучали жизненную мудрость. Клыкач холодно и, казалось, равнодушно наблюдал за юными соплеменниками, нервно суесящимися у бурлящего устья впадающей реки.

Наконец молодые сёмги не выдержали бесконечного ожидания - будто по команде невидимого дирижёра, молодняк резко увеличил скорость движения по кругу. И вдруг косяк рыб, набрав максимальный разбег, внезапно ворвался во встречный поток впадающей речушки. Рыбин оглушило тугим течением мощной низвергающейся реки. Преодолевая упругий могучий поток, сёмги медленно и неуклонно начали продвигаться вверх по реке. Казалось, ещё несколько мгновений и - косяк вырвется из холодного и равнодушного объятия кипящей воды. Однако скорость продвижения рыб всё более и более замедлялась. Вскоре косяк и вовсе остановился у подножия полутораметрового водопада: силы сёмги иссякли, преодолеть неожиданную преграду они уже были не в состоянии. Рыбин начало медленно относить обратно к устью. Затем буйное течение реки опрокинуло, смяло косяк, и выплонуло его обратно в океан. Сёмги обессилело опустились на галечное дно залива. Жабры рыб судорожно открывались и закрывались, как рот у задыхающегося человека.

Борьбу рыб со взбесившейся рекой никто не заметил. Лишь мудрый лох, наблюдавший заключительный этап борьбы сородичей со стремительным потоком воды, насмешливо улыбался. Он продолжал неподвижно висеть в прозрачной воде океана, иногда чуть пошевеливая хвостом, чтобы удержаться на одном месте - точно, напротив устья клокочущей реки. Казалось, что Клыкач чего-то ждал. Время шло. Уже отдохнувшие сёмги покинули дно залива и вновь пристроились позади старого самца. В недоумении они переглядывались, наблюдая за непонятным поведением старого лоха. А Клыкач всё ждал.

Внезапно сёмги поняли, что в поведении лоха что-то изменилось. Он оглянулся на стаю молодняка, будто убеждаясь, что всё рыбье племя здесь. Потом энергично завибрировал хвостом и вдруг решил: пора! Несколько десятков молодых рыбин уловили это «пора». Океанский прилив достиг своего максимального подъёма; морская вода уже вошла в устье клокочущей реки и уладила её. Клыкач взмахнул мощным хвостом, взлетел на поверхность впадающей реки и как торпеда заскользил по гладкой поверхности плотного встречного потока. Он больше не оглядывался, он знал, что весь косяк серебристых рыбин ни на сантиметр не отстаёт от него. Дикая сила приустьевого течения реки была усмирена приливом океана. Солёная морская вода залила приустьевую часть речушки на несколько километров и обуздала свирепую мощь встречной пресной воды.

Постепенно река опреснялась. Шумные перекаты и порожистые места сменялись глубоководными покаямами, местами нерестилиц благородной сёмги. Молодые рыбины, инстинктивно узнавая памятные места своего рождения, постепенно отставали, - после нескольких лет скитания в океане, они возвращались на родину. Здесь они будут дожидаться весны, чтобы произвести новое потомство.

Клыкач поднимался всё выше и выше по реке, обходя ловушки сетей, хищные жала наставленных людьми крючков на сёмгу. Вскоре позади него не осталось ни одной сёмги. Тогда Клыкач остановился, передохнул, и вновь бросился вниз к устью реки, в океан, за очередным косяком сородичей. Он ещё несколько раз скатывался к океану и затем возвращался обратно в реку с новой партией юных серебристых королевских рыб. Пока не понял, что до следующего ледохода ни одна сёмга уже не выйдет из океана. Тогда Клыкач заторопился к своей покаяме, к своему нерестилищу, к своим сёмгам.

Несколько десятков молодых самцов и самок разместились в обширной, глубокой покаяме. Они уже выбрали места для нерестилиц и ждали назначенного срока, чтобы вырыть ямы для метания икры. Как же поразительно эти сёмги отличались от своих сородичей, только что пришедших из океана. Те, океанские, были резвые, сильные серебристые рыбины, и круглые, как бочонки. Но сёмги, которые приготовились метать икру, несколько дней уже не охотились и желудки их были пусты; они сильно отощали, так как всю свою внутреннюю энергию тратили на воспроизведение потомства, на вызревание икры. Плоские тела брачных рыбин грязно-бурого, оранжево-пятнистого цвета с оскаленными мордами, совершенно не походили на своих серебристых сородичей, будто это был абсолютно другой вид рыбы. Устрашающий облик сёмги, должно быть, служил для отпугивания снующих тут же хищных хариусов, щук, окуней: бдительные самцы непрерывно

клацали могучими челюстями, отпугивая хищников от будущих гнезд. И лишь изредка прихватывали зазевавшегося хариуса или окуня, надкусывали их, и тут же выпускали.

Уже несколько рыбин вырыли в галечном дне своими окровавленными хвостами двух-, трехметровые продолговатые ямы, и застыли над ними. Самцы непрерывно углубляли нерестилища от струящегося песка и гальки, да еще успевали отпугивать снующих вокруг хищников. Хвосты самцов были ободраны до костей и кровоточили. Вот уже две или три сёмги толчками выбросили в вырытые ямы янтарные дольки икры. Самцы тут же залили икру кипенно-белыми молоками и быстро заровняли ямы хвостами и мордами.

Неожиданно спокойная, почти стоячая гладь покаямы пошла рябью. Круги воды возникали от вёсел резиновой лодки. Рыбы не беспокоились, они были заняты таинством воспроизводства жизни. Сидевшие в лодки люди выкинули якорь – большой камень в мешке на длинной веревке. Лодка замерла на месте. Плеск вёсел прекратился. Воцарилась тишина.

Вдруг прямо на сёмгу, замершую над вырытой ямой для икротетания, нагло и стремительно пошёл не то хариус, не то окунь. Самка не разобралась, кто это, но инстинктивно сделала угрожающее движение в сторону хищника. Однако наглая рыбка будто и не заметила угрозы огромной рыбины. Она плыла прямо на сёмгу, и скользнула мимо оскаленной морды рыбины буквально в нескольких сантиметрах. Сёмга была озадачена странным поведением хищника, но скоро вновь замерла над нерестовой ямой.

Не успела самка успокоиться, как она снова увидела того же самого хищника: он опять быстро надвигался на неё. Тут уже сёмга не выдержала: распахнув огромную страшную пасть, усеянную острейшими зубами, самка мгновенным броском схватила хищника и сомкнула челюсти, чтобы наказать наглеца. И вдруг острейшая боль пронзила нёбо рыбины; ударила в мозг; затуманила его. Сёмга только успела испустить крик ужаса; но её не услышал никто, кроме сородичей...

Какая-то неведомая сила поволокла рыбину из воды. Ни мощные удары хвоста, ни энергичные движения сильной рыбины не могли избавить сёмгу от нестерпимой боли, не помогли ей вырваться на свободу. Наконец, голова сёмги появилась над водой, она хлебнула воздуха и - потеряла волю к сопротивлению. Теряя сознание, рыбина ещё чувствовала, что её грубо подхватили под жабры, вытащили из воды и бросили на что-то твёрдое. Сделав несколько конвульсивных движений, рыбина затихла. Как вынимали из её пасти медную блесну с огромным трёхпалым крючком, сёмга уже не слышала.

- Первая! - радостно сказал кто-то в лодке прокуренным голосом. - Икрыная! Тут их, смотри, десятка два, а то и больше...

Человек указал напарнику на глубину прозрачной воды - там неподвижно замерли рыбины.

- Давай! Мечи! - и он вновь взмахнул спиннингом.

И тут же забросил в воду свою блесну его приятель.

Мудрый Клыкач, как только уловил отчаянный вопль самки, сразу понял: появилась смертельная опасность! - где-то близко люди.

Когда-то, когда он был ещё несмышлёнышем, юным самцом, он попытался отогнать от нерестилища самки наглого, маленького юркого хищника, похожего вот на этих безрассудно снующих по нерестилищу рыбёшек. Только случай, везение, а может быть, молодость или сила, спасли его тогда от смертельного исхода. Он бросился на наглую «рыбку», что плыла прямо на самку, надеясь отпугнуть её. Однако наглец не испугался, он пёр прямо на неё! По неопытности, скорость броска Клыкача была слишком велика - он почти проскочил хищника. Лишь в последнее мгновение он извернулся и ухватил «рыбку» краем пасти. В тот же миг какая-то страшная сила рванула Клыкача назад и огненная боль пронзила ему челюсть. Клыкач энергично разогнулся, свечкой вылетел из воды и затряс головой, чтобы выплюнуть ухваченную «рыбку». Потом с шумом упал в воду. И тотчас же повторил маневр: взлетев над водой метра на два, Клыкач широко распахнул пасть и вновь сильно встряхнул головой. В это же мгновение «рыбку» вырвали из пасти самца; боль затихла.

Клыкач подплыл к нерестующей самке и встал, против обыкновения, впереди неё. Когда он вновь увидел наплывающего на них наглого хищника, самец не бросился на него. И помешал сделать это самке: он понял, что это был не живой хищник; это была

смертельная опасность - та, которую он запомнил на всю жизнь. С тех пор и осталась на его морде отметина, порванное загубье, оно так и не заросло.

И вот теперь снова те же самые невинные с виду рыбки манили и раздражали своей лёгкой доступностью. Так хотелось припугнуть их, ухватить, прикусить и выбросить! Но генная память пережитого ужаса в прошлом подсказывала старому лоху, что это опасность. Он стремительно скользил, метался вдоль покаямы, по нерестилищам рыб, чтобы успеть предупредить самок о смертельной приманке.

Но не все самки ему верили. Да и как тут поверить, как удержаться от защиты своего нерестилища, когда прямо на тебя - в пасть - нагло надвигается маленький хищник?! Некоторые сёмги не могли удержаться, хватали наглеца. И тут же в покаяме распространялся крик боли, крик ужаса, а самки, выхваченные непонятной силой из родной стихии, куда-то пропадали...

Когда очередная жертва, с воплем боли и отчаянья, влекомая мимо Клыкача, была выхвачена из воды прямо перед его носом, Клыкач внезапно все понял: - «Лодка - вот она, опасность; там, наверху пропадали сёмги; лодка - хищник! Надо уничтожить, прикусить лодку...»

- Что-то перестали сёмги блесну хватать.

- Вообще-то странно: вон сколько их там гуляет в глубине. Как будто их кто предупредил, что нельзя блесны трогать...

- Может быть, вон тот старый самец? Смотри, как он в покаяме мечется от самки к самке. Может, и впрямь объясняет..? Ха-ха!

- Слушай, давай-ка бросим туда грамулечку тротила! У тебя есть еще несколько динамитных шашечек?

- А что, давай! Только надо чуток отплыть, чтобы нас не гробануло. И лодка, если близко рванет, может лопнуть...

- Добре. Отгреби метров на десять, туда - поближе к перекату. А шашку зашвырни подальше, метров на пятнадцать, в середину покаямы. Шнур-то обрежь короче. Тогда и поджигай. Чтобы рвануло не на дне... А как только в воду упадет...

Один из браконьеров аккуратно положил спиннинг, подтянул к себе рюкзак. Порылся в нем, и достал динамитную шашку с длинным бикфордовым шнуром. Второй рыбак неспешно чуть приподнял мешок с камнем-якорем и отплыл к перекату. И снова опустил якорь.

- Пожалуй, хватит... Давай, поджигай!

Его напарник обрезал шнур, достал коробку с ветровыми спичками, чиркнул и поджег шнур. И взмахнул рукой, чтобы зашвырнуть шашку в середину покаямы...

В то же мгновение могучий лох, раскрыв свою клыкастую пасть с бритвенными зубами, на максимальной скорости врезался в резиновую лодку и пропорол поперек оба её баллона. От неожиданности рыбак выпустил из рук подожженную шашку. Шашка булькнула в воду. Тут же, вслед за нею, рухнули в реку оба рыбака. И в это мгновение раздался глухой подводный взрыв. Вода в реке, на месте лодки, вскипела и стихла. А в глубину, на дно, медленно погружались два трупа и лодка. Потом на поверхность всплыла огромная пятнисто-оранжевая рыбина - мёртвый лох. Едва заметное течение потянуло его, неподвижного, к журчащему перекату. Там он и застрял.

Через одиннадцать дней за браконьерами прилетел тот самый вертолёт, что высадил их на нерестовой речушке. Прежде чем приземлиться, вертолёт сделал несколько кругов над разрушенным лагерем. Экипаж в недоумении рассматривал опрокинутую порванную палатку: мешки с продуктами были разорваны; кругом валялись остатки макарон, крупы; в стороне от лагеря обнаружили два эмалированных ведра - вероятно, в них была икра. Остатки крупных зёрен красной икры ещё были видны по ободу дна вёдер, они были даже втоптаны в прибрежный песок. Недалеко от палатки пилоты обнаружили разрытую песчаную яму; в яме - тушки сёмги со вспоротыми животами; вокруг - десятки скелетов обглоданных рыб. Судя по следам, здесь пиршествовали несколько росомах. Людей не было...

Летчики, предчувствуя недоброе, молча двинулись в сторону шумящего переката, к покаяме. Обогнув черный базальтовый обрыв по узкой кромке реки, они увидели

страшную картину: на мелком перекате реки лежали два вздувшихся трупа; между ними находился растерзанный скелет полутораметрового лоха с пустыми глазницами.

Неопытный терапевт из клиники районного городка установил причину смерти рыбаков: «от утопления». Но куда исчезла резиновая лодка рыбаков, так и не выяснили. Да её и не искали.

Покаяма сохранила свою тайну.

Весной, в мае, в нерестовых ямах покаямы проклюнулась жизнь. А через несколько недель несколько сотен мальков королевских благородной сёмги скатилось отсюда в океан - по пути Великого Лоха.

Геннадий Гончаров.
(Россия), Канберра.

ЭПИГОНЫ

Была земля прекрасней и моложе,
Невинней был и проще человек,
Который засыпал на жёстком ложе
Невдалеке от первозданных рек.

Мир от него свои не прятал краски,
Его не искушала крутизна,
Чудесные рассказывала сказки
Ему большая, близкая луна.

Смирялись молнии, смолкали громы,
Когда поэт, похожий на царя,
За вдохновеньем шёл тропой знакомой,
С природою, как равный, говоря.

Как он велик, тот первый, светлолицый,
Который радугу назвал мостом,
Закатом – смерть, большое счастье – птицей,
Огнём – любовь, и женщину – цветком!

Теперь иначе. Солнце жизни гаснет.
И мы, поэты сумерек и зим,
Не веря в сказки, сочиняем басни,
Не видя звёзд, о хлебе говорим.

Единый голос нам уже не слышим,
Единый лик дробится в зеркалах.
Мы не творим, но равнодушно пишем
Стихи о книгах, книги о стихах.

17 мая 1953 г. Рио.

Валерий Перелешин.

«Можно заморозить пресную воду, в которой плавает рыба, и всё-таки рыба не будет заморожена, так как пресноводные рыбы замерзают при температуре ниже, чем температура замерзания пресной воды.

«Посев» № 466, за 11 ноября 1949 г.

«Киты не могут вращать глазами, так как у них оптические нервы натянуты, как струна».

«Посев» № 466, 11 нояб. 1949 г.

Суд приговаривает 70-летнего бандита к 20 годам тюрьмы.

- К сожалению, мне не удалось сделать что-либо для вас, - сказал защитник своему клиенту, после объявления приговора.
- А я очень доволен.
- Вы довольны? – удивился защитник. – Почему?
- Я не предполагал, что мне удастся дожить до 90 лет...

Возвращение

Возвращаться из гостей всегда приятно. Вроде бы и рвёшься из замкнутого круга семейных проблем как можно дальше и дольше, но только на расстоянии начинаешь понимать, как мило и уютно было дома.

Вот и мы с Федюшей, моим трёхлетним малышом, отправились к дальним родственникам, лишь прочитав в их очередном письме дежурную фразу - «А почему бы вам не приехать к нам в гости?». Думаю, они даже не предполагали, что это предложение так быстро сбудется.

«А почему бы и нет? - устало подумала я: - развеюсь, посмотрю, что за семья нас приглашает, а заодно отдохну от Федькиных соплей и капризов».

«А почему бы и нет? - узнав о приглашении, сказал муж, с трудом сдерживая волну радости, но тут же, спохватившись, буркнул скороговоркой: - а впрочем, как хочешь... решай сама!»

Поздно! Я уже заметила алчный огонёк в его глазах, только укрепивший моё решение.

Муж старался изо всех сил. Благодаря его суетливости мы уже через два дня были готовы к отъезду. Я не скажу, что дорога была лёгкой и быстрой, но две недели отдыха и гостеприимства сгладили все неудобства путешествия...

Провожали нас всей деревней. Удалённость от центра и близлежащих поселений создала в деревне-отшельнице сеть родственных отношений, разобраться в которых я так и не сумела. Поэтому целовали и обнимали нас какие-то кузены и Кузины, сваты и свахи, дядьки и тётки, вручая сумки набитые подарками.

Места на «Ракете»* нам достались крайние, в конце салона. Уже спокойно, без лишней суеты разложила многочисленный багаж, изредка поглядывая на малыша, - устав от шума и гама, он засыпал стоя, облокотившись на кресло.

- Всё, Феденька, отдыхаем! – сказала я сынишке, укачивая его на руках.

Хотя всё это было лишним: ракета, сотрясаясь всем корпусом, сама была большой колыбелью.

- Рыжая... - вдруг услышала я над своей головой. - Рыжая! - раздражённо повторил мужчина, завалившись рядом на свободное место

Резко обернувшись на голос, я с удивлением обнаружила незнакомца с горяще-рыжей копной на голове. «На себя посмотри!» - хотела я огрызнуться, но что-то меня остановило.

Новый сосед вёл себя довольно странно: озираясь по сторонам, он судорожно держался за подлокотник и о чём-то путано бормотал под нос. Неожиданно наши взгляды встретились - яростный огонь агрессии полоснул мне лицо. «Кто он?» - с тревогой думала я, стараясь разворотом спины закрыть малыша. А непрошенный сосед всё смотрел, прожигая меня взглядом... «Господи! Он ненормальный...» - мелькнуло в голове. Но неужели никто не видит, что здесь происходит? Парализующий страх не давал мне шевельнуться.

- Да где же он? – вдруг услышала я разговор двух мужчин. – Как ты его упустил?

- Сам не понимаю, как. Отвернулся на секунду – глядь, а его уже нет! Как сквозь землю провалился...

- Стоп! Вижу его в последнем ряду! Подходим тихо, с двух сторон. Смотри, чтобы не ударил пассажирку...

Я замерла, затаив дыхание.

- Миша, так вот ты где! - голос говорившего был спокойным и доброжелательным; быстрым движением, обняв непрошеного соседа за плечи, он остановил попытку бегства.

Всё произошло так быстро и аккуратно, что полусонный салон не заметил принудительного удаления рыжего незнакомца. Только теперь ко мне вернулась речь.

- Он опасен? – тихо спросила я вслед.

- Да.

- Так что же вы его везёте в общем салоне?

*ракета - быстроходное
речное пассажирское
судно на подводных

- Да нет, нам выделили каюту. Но так уж получилось... Прозевали! Везём в психбольницу. Белая горячка. Вы простите за беспокойство.

- А почему он ко мне подсел? Всё – «рыжая», да «рыжая»...

- Не знаю, что его заклонило. Пропил мозги... гуляют они у него.

Только теперь я почувствовала, как сильно устала. Жарким огнём полыхнули щёки и уши. Стараясь не разбудить ребёнка, аккуратно налила из термоса стакан горячего чаю; и с первыми глотками почувствовала, как медленно уходит напряжение. Я закрыла глаза и тут же провалилась в тяжёлую дремоту.

А салон в это время оживал. Через монотонный гул мотора слышался приглушённый говор пассажиров и весёлый смех молодёжи, сопровождающих невесту в соседнюю деревню И я, прислушиваясь к их щебетанию, вспомнила свою свадьбу.

Муж у меня – деревенский. Поэтому весь свадебный банкет разыгрывался на нашей территории. Деревенская родня, спокойно пропустив регистрацию и прогулку по городу, прибыла к застолью, испугав криками подвыпившей компании и 15-литровой бутылью самогона-первача.

За стол сели, создав две группировки.

- Ну, вот мы и собрались, чтобы отпраздновать большое событие... – сквозь возбуждённый шум начал тамада.

Терпеливо выслушав небольшое вступление, приезжие быстро одобрили сказанное звоном бокалов, тут же восполнив выпитое. Тамада насторожился. Что-то шепнув баянисту, быстро начал свой репертуар, включая всё новые игры и конкурсы. Но когда уже в третий раз наполненную рюмку пришлось поставить на стол, деревня взбунтовалась:

- Мы что – сюда приехали пить да гулять, или стишки да байки слушать?!

Время шло, а два фронта гостей не объединялись даже в стадии среднего опьянения. И только любимая песня всколыхнула приунывшие ряды:

*Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня...*

«Моего коня...» - затянули приезжие, включив в последние строки столько слезливого горя и подвывания, словно вопрос о жизни и смерти стоял ребром. Но как бы там не было, толпа ожила: «за коня» выпили, не обращая внимания на тамаду; напрасно старался баянист; не помогала включённая музыка; деревня вошла в кураж, отказываясь пить и есть по указке...

Закрытие кафе застало их врасплох.

- Как? – удивились еле живые гости, - мы только начали...

И ещё долго гудело общежитие, где были сняты комнаты для наших неумных гостей.

Проснулись в 6 утра. А зря. Дежурная, не зная сельских устоев, ушла домой, закрыв входную дверь.

Домой возвращалась разбитная компания во второй половине дня. С благодарностью обняв нетронутую бутылку с самогоном, шумно сели в автобус и укатили, забыв попрощаться. Это уже потом один из гостей рассказывал, пошмыгивая сизым носом, как они трижды останавливались в лесопосадках, опустошая бадью.

- Деревня умеет гулять! – повторял он, горделиво кочевряжась перед нами.

Резкий толчок прервал мои воспоминания. Это «Ракета», не снижая скорости, села на мель. Я мгновенно закрыла Федю, приняв на себя все ссадины и синяки. Испуганная тишина повисла в салоне. Никто не мог понять причины резкой встряски, и только объяснение капитана...

- Да, мы сели на мель. И помощь придёт не скоро.

У нас оказалось более чем достаточно времени для определения своих потерь и ошибок. Зашумевшая толпа *склоняла* капитана, команду, мель и жару. А она, жара, - чем дальше, тем больше давала о себе знать, раскалив корпус неподвижной «Ракеты».

Тихое поскуливание невесты нагнетало обстановку. Красная от напряжения, в кровоподтёках и ссадинах, с мокрыми волосами, в порванном платье - невеста не подлежала восстановлению. Время работало против неё.

К деревне мы подъехали, когда солнце, приглушив лучи, готовилось к закату. Невеста, окружённая подружками, медленно подошла к трапу.

Устав от ожидания, свадьба уже давно перебралась на берег. Приход «Ракеты» встряхнул даже мертвецки пьяных гостей. Позабыв все слова и только помня цель, они сквозь онемевшие губы спрашивали в пустоту: «Че, все?.. Уже?.. Как?.. Где?» - будоражась и не понимая.

Крепче всех держались жених и родня.

- Ну, где она? – нетерпеливо вглядывались родственники в лица приезжих.

Жених остолбенело молчал.

Встрепенувшийся гармонист дёрнул меха и - споткнулся на высокой ноте...

- Это что – твоя кикимора? – сразу отрезвев, с испугом спросил он.

Берег притих, настороженно разглядывая невесту. Замерли и мы, - почти сроднившись за время путешествия, переживали и мучились вместе с нею.

Неуверенно шагнув на берег, девочка заплакала, что-то тихо объясняя жениху.

Потребовалась ещё минута-вторая, чтобы свадьба, встряхнувшись от шока, вошла в своё прежнее русло разухабистой гулянки. А мы, облегчённо вздохнув, разошлись по своим местам, предполагая, что встреча с нашими родными будет не менее интересной.

Но нам замуж не выходить...

Вот уже, действительно, «в гостях хорошо, а дома – лучше».

Ирина Лобода.
Хабаровск.

*С хватом баба –
хоть на медведя!*

На базаре владелец фруктового лотка предупреждает жену:
Запомни: чтобы сегодня ты ничего не покупала в овощной лавке
у Калиновских..!
Почему? – удивляется жена.
Потому что они взяли взаймы наши весы.

Мостовая

Сегодня трудно представить себе, как грязны были в старину улицы как русских городов, так и западно-европейских городов. На улицы выливали нечистоты, выбрасывали весь мусор из домов. Весной и осенью города тонули в грязи...

Тогда поперёк главных улиц стали класть скреплённые между собой ряды толстых брёвен. Это были настоящие МОСТЫ через топи. Вот почему мы и сегодня называем уличное покрытие «мостовой», хотя оно уже не имеет ничего общего с мостом.

Археологические раскопки установили, что в Новгороде улицы настилались мостами уже в XI веке. В одном месте были обнаружены 18 настилов, лежащих один над другим и относящихся к периоду от XI до XVII века. Город был весь замощён. «Устав о мостах» XII века говорит о распределении расходов на мощение улиц.

Новгород был первым городом во всей северной и средней Европе, начавшим мостить улицы. Во Франции первые мостовые были устроены в Париже в 1184 году, в Германии они появились только в XIV веке, а в Англии даже в XV веке, то есть, на 400 лет позже, чем у нас (если не больше).

Стоит отметить, что при раскопках профессор А.В. Арциховский обнаружил в Новгороде и древний водопровод. Относящиеся к XI веку трубы и смотровые колодцы для защиты водопровода от засорения были найдены не только на княжеском дворе, но и в других районах города.

Царская невеста

Сегодня мы расскажем вам о том, как державный государь Михаил Фёдорович Романов нашёл себе избранницу по сердцу.

Он оставался в безбрачии после восшествия на престол в 1613 году.

Подыскана была ему невеста - Мария Хлопова, из знатного боярского рода; но из-за козней недоброжелателей полюбившаяся государю чистая и непорочная девушка была отдалена от него и сослана в далёкий Тобольск. Михаил Романов, привыкший к скорбям, перенёс и эту утрату, хотя след о ней сохранился в его душе.

Прошло ещё некоторое время и государь властным, мудрым управлением ослабил значение местничества, то есть, родовых преимуществ, стремился приближать к себе людей, засвидетельствовавших преданность Престолу в большей мере личными качествами, нежели знатностью происхождения. Так Козьма Минин, гражданин Нижнего Новгорода, был пожалован дворянством и заседал в Царёвой Думе, проявляя качества державного мужа.

Первый брак Михаила Фёдоровича был недолговечным. Супруга его, происходившая из рода Долгоруких, рано умерла. Наследника не было.

Потеряв молодую супругу, оставшись бездетным, Государь наш вновь должен был вступить в законный венчанный брак. И вот мудрая инокиня Марфа помогает управить это сложное дело.

С помощью знатных людей со всей России собирают невест, которые располагаются в чертогах царского дворца. А Михаил Фёдорович вместе со своей матерью чинно проходят и смотрят, молясь, конечно, чтобы Сам Господь явил избранницу. Каково было удивление инокини Марфы, когда Михаил Фёдорович вдруг объявил, что он выбрал себе в невесты прислужницу, - кроткую, скромную, впрочем, прекрасную внешностью, а ещё более душой, девушку из рода Стрешневых, Евдокию Лукьянову, - которая ухаживала за знатной боярыней.

Евдокия Лукьянова Стрешнева во многом напоминала собой сказочную Золушку. Биографы сообщают, что боярыня, к которой она была приставлена, была деспотичной, взбаломошной, держала её в чёрном теле, подвергая несправедливым прещениям, лишениям. Прекрасная Евдокия, истинная христианка, никогда не жаловалась, никогда не роптала, но, ухаживая за своей госпожой, стремилась угодить Господу Богу.

Царица не доверяет слуху. Убеждает Михаила, чтобы он размыслил, как оскорблено будет выбором невесты из прислуги честолюбие князей и бояр русских...

Итак, Марфа противоречит своему царственному сыну.

- По воле Божией, - с достоинством отвечает Государь, - принял я венец и царство. Ни в чём не посмею быть ослушным матери. Ты всегда была наставницей и моим покровом. Но сердце моё никогда другой не выберет и не полюбит...

Это была любовь с первого взгляда, любовь осенённая Божиим благословением.

- Я определён к одним бедствиям, - далее говорит Михаил Фёдорович, напоминая обо всех страданиях, что терпел с юных лет.

Слёзы полились из очей Михайловых. Какое материнское сердце устоит против слёз и покорности сыновней?!

- Сын мой, - отвечала Марфа, - разве и я не терпела напасти? Супруг мой страдал в земле иноплеменной. Судьбы небесные Тебя сохранили, назначили Тебе царство. Воля Божия да будет с Тобой. Возьми ту, которая пришлась Тебе по мысли и по сердцу.

Далее летописцы описывают нечто удивительное...

Евдокию призывают в царские покои, облачают её в светоносные одежды. Царь Михаил именует её своею невестой. Духовный чин уже возносит о ней моление как о великой Государыне. Патриарх Филарет благословляет своего сына, призывая благословение Божие на него и избранницу. На площади стоит гул от радостных возгласов москвичей: «Да здравствуют Михаил и Евдокия!!!» Повсюду служатся молебны.

Юная и прекрасная Евдокия была настолько скромна и настолько кротка, что она с трудом переносила обычный и необходимый по тому времени дворцовый этикет. К её руке должны были приложиться одна за другой все боярыни московские, все сановные женщины Русского Государства. Она не могла этого вытерпеть и сама, вставая с царского трона, лобызала их троекратно, как будто приходилась им не царицей, а дочерью.

Нужно было видеть, с каким трепетом к прекрасной и юной царице подошла её бывшая госпожа, немилосердным образом тиранившая кроткую девушку.

- Государыня! – в страхе и слезах она падает к ногам Евдокии, понимая, что судьба её висит на волоске: времена были суровые, и царице уже ничто не мешало распорядиться наказать прежнюю обидчицу, хотя бы выслать за пределы Москвы. – Государыня, не попомни мои пред тобою жестокости! Прости меня, ради Бога!

Истинная христианка, Евдокия сама проливает слёзы и низко кланяется родственнице своей:

- И меня прости, если я в чём тебя прогневала. А тебя пусть Бог простит.

Вот такими были наши помазанники. Такой была царица...

И особенно поучителен для нас рассказ о том, как весть об избрании Евдокии царицей достигла её смиренного отца, очень бедного, почти что нищего дворянина Лукьяна Степановича Стрешнева, к которому с царской грамотой - совсем почти как в сказке - едут царские послы, чтобы уведомить его о случившемся.

Чиновники с царскими дарами отправляются в Можайск. Прибыв туда, спрашивают о жилище Лукьяна Степановича. Им указывают убогий соломенный кров. Евдокия готовилась к царскому венцу, когда отец её возделывал ниву для посева ржи, то есть, сам трудился в поле. Царские послы из хижинки идут на пашню, где царицын родитель занимался посевными работами.

Стрешнев подъезжает с сохой туда, где остановилась кавалькада. Подступают к нему со страхом и почтением: разве это малое дело - Стрешнев ближайший родственник царский! Теперь от него, возможно, будет зависеть судьба сотен людей...

С почтением приступив, чиновники возвещают ему:

- По власти Божией дочь твоя наречена царской невестой.

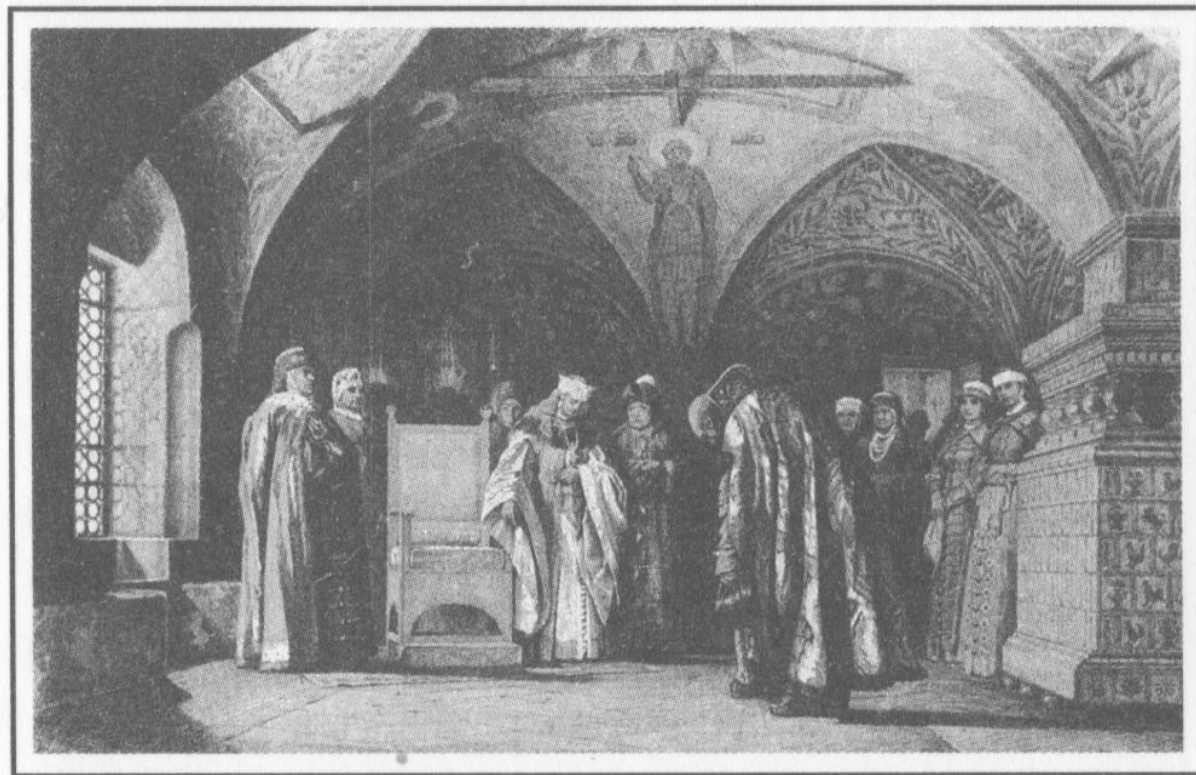
Полагая, что послы ошиблись, он отвечал:

- Вижу, что вы царские послы, но, верно, отправлены не ко мне... Погода-то хорошая! Мне надобно допахать ниву. А потом уже я с радостью попрошу Вас на хлеб-соль.

Послы, видя, что Стрешнев чего-то недопонимает, показывают ему грамоту, подписанную именем царя. Он, внимательно прочитав её, не может сдержать душевного волнения. Тут же в поле, становится на колени. Воскликает велегласно (громко):

- Боже, Ты сотворишь всё по воле Своей!

Внезапный переход от ничтожества к великой славе не изумил и не изменил этого доброго человека. Всё относя к Промыслу Всевышнего, он благодарит гонцов и опять обращается к сохе, чтобы допахать поле своё.

Трогательна была встреча отца и дочери. Какое это было свидание! Михаил и инокия Марфа оставляют их одних, понимая, что третий здесь лишний.

Стрешнев берёт за руки дочь, становится на колени с нею перед образом Божией Матери. Евдокия со слезами и рыданием бросается в объятия отца:

- Отец мой, я никогда не помышляла быть царской невестой!

- Бог устроил так! – сказал Стрешнев. – Он из хижины приводит в царские палаты. Он нищету и бедность претворяет в сияние славы. Бог тебя взыскал! Не забудь Его! Мы угождаем Богу лишь добрыми делами. Какая польза быть родством великой, а делами малой и ничтожной? Будь, - наставляет он царицу, - всем сердцем привержена супругу своему. Ни перед кем не возносись. Помни, что и ты была убогой, печальной. Помни, что Бог, отец сирот, хранил тебя Своей любовью и взыщет с тебя за каждую слезу бедного, за каждое вздыхание отринутого тобой страдальца!

Этим заветам следовала не только великая государыня Евдокия, но и другие благочестивые правительницы Земли Русской, и некоторые из них прославлены в лике святых.

Детс. илл. журнал «Зорька» 3/1998 г. Москва.

Прот. Артемий Владимиров.

Бедя вымучит, беда и выучит.

УГОЛОК РОДИТЕЛЕЙ

Дорогие родители!

В наше время, когда в школах с первых же шагов детям внушают неповиновение родителям, твердят им об их мнимой «самостоятельности» и «правах», поощряя этим самым откровенную дерзость по отношению самых близких и дорогих им людей, не говоря уж об отсутствии уважения к старшим вообще, всё труднее и труднее становится задача воспитания детей, за которых мы, кстати, отвечаем перед Богом. К счастью, в Русском Зарубежье имеется, - а теперь свободно печатается и в России, - много материала, написанного православными священниками.

Ниже приводим отрывок из проповеди-рассказа свящ. И. Наумовича, взятый из книги «ДЕТЯМ О ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЕ» (Саратов 1999 г.), оригинальное название которого - «Чему учат непочтительных к родителям детей пчёлы. Пожалуйста, прочитайте его детям.

После Господа мы должны больше всего слушаться и любить своих родителей. Чувство любви к родителям Господь вложил в сердце каждого человека. Но что говорить о людях? Посмотрите на пчёлку: они не покидают свою маму (пчелиную матку) даже тогда, когда она уже не может для них ничего делать и, искалеченная, больная, падает на дно улья. Нельзя смотреть без сострадания, как эти Божьи мушки всеми силами стараются поднять “маму”: они спускаются, цепляясь одна за другую, на дно улья и образуют из себя лестницу в надежде, что упавшая пчела по этой лестнице поднимется вверх, где её ожидают самые усердные слуги.

А если она так обессилена, что не может выбраться оттуда, то при ней остаются несколько пчёл с мёдом, которые кормят больную и согревают её, прижимаясь к ней.

Трогательно бывает смотреть, как преданные дети не покидают “маму” свою даже тогда, когда она умрёт. Они машут над ней крылышками, как бы стараются оживить её, и только уж тогда, когда увидят, что всё напрасно, с жалостным жужжанием улетают.

Смотря на это, невольно думаешь: “Подите сюда, разумные люди, поучитесь у них — маленьких созданий — не только уму-разуму, трудолюбию, бережливости, любви к своим деткам — молодым пчёлкам, но и подивитесь их любви к “маме” своей, поучитесь у них и этой добродетели. Господь Бог сказал нам: **Чти отца твоего и мать твою, да благо ти будет и да долголетен будеши на земли** (см. Исх. 20, 12). Это значит, что, кто почитает отца и мать, тому Господь посылает Своё благословение и долгую жизнь.

(Сост. по рассказу протоиерея И. Наумовича)

Мамочке

Моя мама как букет –
Разною бывает:
То ромашкой полевой
Нежно мне кивает;
Белой лилией порой
Мамин взор ласкает;
И крапивой иногда
Мамочка бывает...

Если мама иногда
Что-то резко скажет,
Если мама на меня
Крикнет... и накажет,
Я обижусь, но пойму,
И за крик её прощу.
Мамин голос,
Мамы руки,
Мамы ласковые губы...
Мама, это – жизнь моя,
С мамой – под защитой я!

И. Лобода.
Хабаровск.

Добро и Зло в сказках и жизни:

«Творческие размышления
детей»

Россия, г. Лесной.

Игорь С., 5 лет.

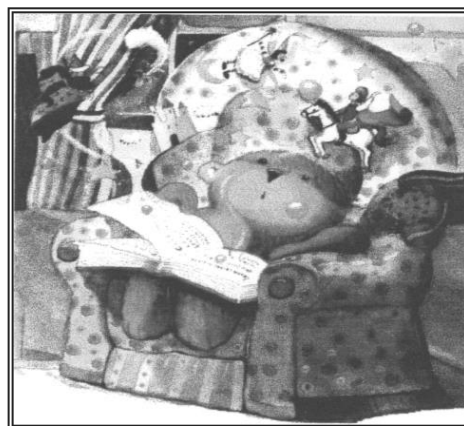
«Добро – когда делают хорошие поступки: уступают маме место в автобусе, когда играешь с ребятами вместе, слушаешься на физкультуре. Зло – когда маме говорят плохие слова: «мама, я не буду тебя любить»».

Олег М., 6 лет.

«Добро – это когда делаешь добро другому. Зло – человек идёт, а сзади на него набрасываются...»

Диана, 6 лет.

«Когда человек улыбается, то это хорошо – это добро. Добрый человек – красивый. А зло – это когда много ругаешься, пьёшь и куришь. Никогда нельзя детей обижать, особенно мальчикам. А девочкам вообще драться нельзя».

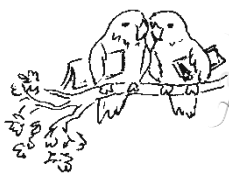
Андрей, 7 лет.

«Добро – когда говорят добрые слова, поздравляют. Зло – кидаются камнями».

Влад, 6 лет.

«Добро – это то, что делает человек. Зло – когда один обижает другого».

Дорогие ребята! Со временем, все ваши письма будут обязательно опубликованы.

Тузик и его друзья

Вот уже три дня капризничают Бублик и Говорилка. И всё потому, что им на зимних школьных каникулах скучно. То есть, дело не в каникулах, - гномикам, как и всем детям, тоже приходится ходить в школу и они очень любят весёлые каникулы. Всё дело в том, что в Австралии сейчас зима. Да, да, в Австралии всё наоборот: в июне, июле и августе, когда в России и в Греции жаркое лето, в Австралии все чихают и дрожат от холода. Конечно, в это время года почти все деревья стоят зелёные и даже цветут цветы, и даже птицы поют, но всё-таки, это - зима.

А раз зима, мама-Иголочка с утра одевает своих малышек потеплее: поверх толстого свитера натягивает на них толстую курточку, шейки заматывает им толстым шарфиком, и на головы надевает детям такие толстые шапочки, что у них только носы торчат.

А что прикажете делать, когда в толстой одежде нет никакой возможности влезть на Леопард и покачаться на ветке вниз головой? В такой одежде и птиц не погоняешь, и с Тузиком не побегаешь, да и вообще, озорничать трудно! Вот гномики и капризничают...

Положение спас Базлан. Он предложил повести Бублика и Говорилку в птичий заповедник «Каррамбин», где живёт множество разноцветных попугаев, его приятелей. И вот, после завтрака Тузик и Матильда Леопольдовна насыпали себе и гномикам в мешочки зёрнышек; потом наполнили Бублику карманы румяными бубликами, а Говорилке – конфетами. И отправились. Базлан полетел впереди - он показывал дорогу.

Оглушительный птичий гомон послышался ещё издали, задолго до того, как друзья подошли к воротам заповедника.

- Надо спешить! - прокричал Базлан, - попугаи вот-вот начнут свой птичий «обед».

В заповеднике было много детей, все они тоже шумели, и тоже были тепло одеты. И ещё там было много красивых зелёных деревьев. А попугаи... Бублик и Говорилка никогда не видели так много ярких птиц - сразу, в одном парке; и все они, несмотря на зиму, как ни в чём не бывало летали, едва не задевая крыльями лица людей, и громко кричали. Гномики пришли в неопиcуемый восторг: попугаи подлетали, садились им на голову и плечи, и зёрнышки брали прямо из их толстеньких ладошек!

При виде птиц у Матильды Леопольдовны беспокойно вспыхнули ярко-зелёные глаза. Тузик заметил это, понимающе вздохнул и отвёл свою приятельницу в сторонку, как говорится, от греха подальше. А зёрна, что были в сумочке у кошки, он оставил малышам-гномикам: пусть, мол, сами птиц кормят.

Пока Тузик тихонько вразумлял Матильду Леопольдовну, – дескать, пора уже оставить старые кошачьи привычки: нельзя на птиц так хищно смотреть! – друзья не заметили, как гномики начали понемногу раздеваться. Сначала потный Говорилка снял с головы толстую шапочку, потом – толстый шарфик. А Бублик – тот даже стянул с себя курточку и бросил её на траву: жарко, мол. Между тем, попугаи вокруг стали кричать ещё громче и уже норвили забраться гномикам в карманы. Наконец они обнаружили спрятанные там мешочки, разорвали их, и - рассыпали всё зерно на траву. Потом начали тереть у Бублика свитерок – вытаскивать застрявшие зёрнышки - и... конечно же, его запачкали, «привет послали», другими словами.

«Что делать?» - ахнул Бублик. Не долго думая, он стянул с себя грязный свитерок и бросил на траву, рядом с курткой. Говорилка сейчас же последовал примеру брата. И скоро оба гномика - в одних маечках! - носились по зелёной лужайке и, визжа на весь заповедник, старались поймать зазевавшегося попугая за хвост.

Вдруг, как по команде, попугаи – все до одного – с криком поднялись в небо и куда-то улетели. Стало тихо.

- Наверное, закончился их час обеда, - надул губы Говорилка.

- Неужели домой пора? - разочарованно протянул Бублик.

Гномикам опять стало скучно. А тут, как на грех, потянул холодный ветерок – зима всё-таки. Бублик громко чихнул, скоро у него потекло из носа. Вслед за ним начал чихать и хлопать носом Говорилка. В панике Тузик и Матильда Леопольдовна бросились к детям с носовыми платочками, велели гномикам сейчас же одеться. Но было поздно: на обратном пути братцы-шалуны уже кашляли. А дома...

Мама-Иголочка в ужасе всплеснула руками:

- Так и знала, что дети заболеют!

Она сразу уложила малышей в постель, поставила обоим градусники, налила чаю с малиной. Тузик и Матильда Леопольдовна почувствовали себя виноватыми: ведь, это они не досмотрели за шалунами, и теперь они оба больны!

- Надо каким-то образом загладить вину, - жалобно заскулил под лестницей Тузик.

У Матильды Леопольдовны созрел план:

- А что если мы... тихонечко... Ночью, ведь, очень холодно. Мы будем по ночам греть малышей своими боками.

Сказано - сделано. И вот, когда на Шумном Дворе везде погас свет, в домике гномов под Леопардом едва слышно скрипнула дверь...

Обычно папа-Лобик не пускает кошек и собак в комнату к детям. Но дедушка Помахайкин... Всем известно, что деда балуют своих внуков. И сейчас, когда по ночам даже у него, Помахайкина, от холода идёт изо рта пар, не грех сделать детям поблажку! Поэтому добрый дед сделал вид, будто ничего не заметил. И это хорошо. Потому что в темноте мимо него виновато проскользнула лохматая тень с длинным хвостом. А вслед за ней – другая, поменьше, беленькая и довольно аккуратная. Неслышно ступая, Тузик пробрался в детскую. Улёгся на полу возле кроватки малышек. Громко зевнул. Потом уютно вытянулся и прислонился тёплым боком к спинкам гномиков. И захрапел.

Матильда Леопольдовна считала, что правильнее всего согреть Бублику и Говорилке толстенькие ножки. Поэтому она сейчас же забралась к ним на кровать, улеглась в ногах и громко замурлыкала песенку. И скоро тоже заснула.

А рано утром, едва над Шумным Двором поднялось солнышко, на окошке гномов поднял возню Базлан. Попугаю долго никто не открывал. Но ведь было ещё очень рано, все спали. А крикнуть о том, что у него новость, Базлан не мог, потому что держал в клюве большой белый конверт. Скоро ему надоело ждать, он бросил конверт у порога и улетел.

Как раз в это самое время в двери показалась голова дедушки Помахайкина. Он поднял конверт, стал читать, и вдруг радостно рассмеялся.

Однако, не надо тревожить больных гномиков, ведь они всю ночь кашляли, - пусть ещё поспят! Поэтому рассказ о том, что прочитал добрый дед - от чего он так весело

рассмеялся будет в следующем раз.

СОДЕРЖАНИЕ

Россия – это был... (стих. А. Палладин)	1
Распространение православной веры в России (Сост. Арх. Пантелеимон)	1
На книжной полке (О книге В.А. Малеевского - «Претенденты на Российский Престол» - Т.Н. Малеевская)	3
Русский клуб в Стратфильде (стих. В. Ефремов)	6
В память об усопших (стих. В. Ефремов)	6
Балеты Чайковского (очерк, Е.А. Якупова)	7
Почему мы так говорим? («Изюминка»)	10
Взгляд в даль: Властолюбие (статья, И. Ильин)	11
Так уходят с последним горем... (стих. Г. Гранин)	15
«Любопытно» (отр. из газ. «Посев»)	15
Тайны природы (рассказ, К. Коровин)	16
Запели тёсаные дроги (стих. С. Есенин)	18
О длине стихотворений (очерк, В. Перелешин)	19
Ты хочешь выведать... (стих., баронесса Ливерт)	19
«Н. Резникова – поэтесса и писательница» (О. Бакич и В. Крейд)	20
Бывают спокойные дни... (стих. Н. Резникова)	20
Случайный взгляд... (стих. Н. Резникова)	21
Не позову тебя я никогда (стих. Н. Резникова)	21
Тёплый вечер разбросал опалы (стих. Н. Резникова)	21
Выход (рассказ, Н. Резникова)	22
Последнее письмо (стих. М. Спургот)	30
Соперница (стих. Фаина Дмитриева)	30
Медиум (рассказ, К. Коровин)	31
Старинные монеты (стих. В.А. Петрушевский)	33
Старый ворон (рассказ, Т.Н. Малеевская)	34
О кремации - с православной точки зрения (свящ. П. Перекрестов)	40
Надо быть паинькой (рассказ, В. Скорняков)	41
Русский остров на чужбине (стих. Р. Невский)	44
Лох (рассказ, Ген. Гончаров)	46
Эпигоны (стих. В. Перелешин)	50
Возвращение (рассказ, И. Лобода)	51
«Мостовая» (отр. неизвестного автора)	53
Царская невеста (рассказ, прот. Артемий Владимиров)	54
Уголок родителей	57
Мамочке (стих. И. Лобода)	58
Добро и Зло (творческие размышления детей)	58
Тузик и его друзья (Т.Н. Малеевская, рис. и фото - автора)	59

Над номером работала: редактор Т.Н. Малеевская.

Журнал можно приобрести в редакции «Жемчужины» - (07) 3161-49-27, в прицерковных киосках Св.Николаевского Кафедрального Собора, Св.Серафимовского храма и Св.-Владимирской церкви (Рокли) в Брисбене, в киоске Покровского Кафедрального Собора в Мельбурне, а также у следующих лиц:

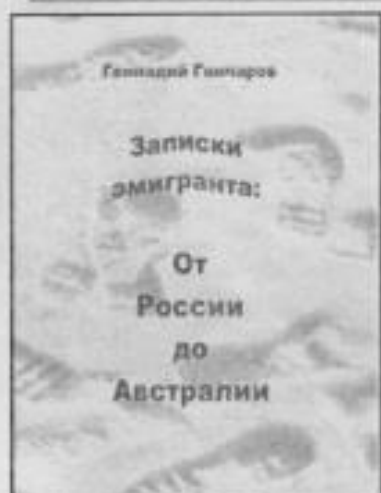
Э.И. Городилова (02) 9727-69-87

З.Н. Кожевникова (02) 9609-29-87

Рисунки на обложке и к избранным текстам (иниц.) – работы Т. Малеевской (Попковой)..

НОВАЯ КНИГА!
В.А. Малеевский
ПРЕТЕНДЕНТЫ
НА РОССИЙСКИЙ ПРЕСТОЛ: АНАЛИЗ
 (исторические статьи, доклад)
 Изд. «Жемчужина», Брисбен, июль 2007 г.
 формат 23 см x 19 см., мягкий переплет,
 цвет. облож. 72 стр.
 За справками обращаться в редакцию:
 тел: (07) 3343-14-29

Вышла в свет новая книга:
«От России до Австралии»
 (Рассказы, воспоминания.)
Геннадий Гончаров
 Изд. «Жемчужина», Брисбен, май 2007 г.
 мягк. переплет, ч/б обложка, 176 стр.
 формат: 23 см x 19 см.
 за справками обращаться к автору:
 Gen. Goncharov,
 8 P De Chair St., Deakin, ACT 2600

Т.Н. Малеевская
«ДУШЕНЬКА»
 Изд. «Жемчужина», цвет. облож., 88 стр., формат А-4.
 В книге 3 рассказа:
 «Душенька, Одно беспокойство, Старый ворон».
 За справками обращаться к автору:
 (07) 3343-14-29, а также –
 к Э.И. Городиловой: (02) 9727-69-87

Т.Н. Малеевская
«СТРАНА ОTCОВ»
 Стихи, рассказы, воспоминания,
 путевые заметки.
 Изд. «Жемчужина», цвет. обложка, 172 стр.
 Формат книги – А-5.
 За справками обращаться к автору: -
 (07) 3343-14-29 а также -
 к Э.И. Городиловой: (02) 9727-69-87